

СВ. СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Воспроизведено с издания 1934 г.

Елена Рерих

**ЗНАМЯ
ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ
РАДОНЕЖСКОГО**

Минск
«Звезды Гор» — «СангитаСтрой»
2013

УДК 141.332
ББК 87.3
Р 42

Печатается по изданиям:
Знамя Преподобного Сергия Радонежского. —
Рига: Алтаир, 1934;
Латвийское общество Рериха, 1990 (с изменениями).

Рерих Е.
Р 42 **Знамя Преподобного Сергия Радонежского /**
Рерих Елена Ивановна. — Минск :
«СангитаСтрой», 2013. — 128 с.

ISBN 978-985-7041-02-2.

Книга Елены Ивановны Рерих «Знамя Преподобного Сергия Радонежского» впервые увидела свет в 1934 году, когда наступили тяжелые времена безбожия. Святыня Русской земли, Троице-Сергиева лавра была разорена, как и большинство других храмов и обителей. Казалось, светильник угас на века, но воистину неисповедимы пути Господни. Свершилось еще одно чудо Сергия — Лавра была объявлена музеем и таким образом спасена. В 1946 году в обители были возвращены мощи Святого Сергия, возобновилось богослужение. Вновь загорелась свеча надежды, началось духовное возрождение России.

В 2014 году 700-летие Сергия Радонежского будет праздноваться на государственном уровне. В сердце русского человека живет и будет жить вечно благодарность и любовь к великому Святому, который всегда спасал Россию в трудные времена.

УДК 141.332
ББК 87.3

ISBN 978-985-7041-02-2

© Подготовка текста, оформление.
МО «Звезды Гор», 2013

Много прекрасных страниц написано лучшими людьми о Благодатном Воспитателе и Заступнике Земли Русской, Преподобном Сергии. Не мало и устных преданий хранится еще в памяти народной, особенно среди странников безымянных; не мало и пророчеств и видений, связанных с этим Светоносцем, так же как и легенд, возникших со времени расхищения и надругания над великою Святынею Русскою.

И решили мы отобрать эти жемчужины, чтобы напомнить сердцу русскому о том Сокровенном и Неисчерпаемом Сокровище, которым оно владеет.

Знали люди русские, что там, где ведут их Заветы и Знамя Преподобного, там и события отмечены будут победою — так оно и было. Но когда в сердце их затуманился Лик Владыки Пресветлого, события грозные обрушились на Землю Русскую — горькую чашу испил русский народ!

Люди Земли Русской! Обратимся же снова к Его светлым и суровым Заветам, сплотим сердца наши вокруг Преславного Водителя и Заступника нашего, подыдем Знамя Видения Его дивного и, восхитившись духом, устремимся к новому подвигу, к новому строительству Страны Светлой!

Отче Сергей, Дивный, с Тобою идем,
с Тобою победим!

БЛАГОДАТНЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ РУССКОГО НАРОДНОГО ДУХА

Речь профессора, академика В.О.Ключевского, произнесенная в торжественном собрании Московской духовной академии 26 сентября 1892 г. в память
Преподобного Сергия

Когда вместе с разнообразной, набожно крестящейся народной волной вступаешь в ворота Сергиевой Лавры, иногда думаешь: почему в этой обители нет и не было особого наблюдателя, подобного древнерусскому летописцу, который спокойным неизменным взглядом наблюдал и ровной бесстрастной рукой записывал, «еже содеяся в Русской земле», и делал это одинаково из года в год, из века в век, как будто это был один и тот же человек, не умиравший целые столетия. Такой бессменный и не умирающий наблюдатель рассказал бы, какие люди приходили в течение 500 лет поклониться гробу Преподобного Сергия и с какими помыслами и чувствами возвращались отсюда во все концы Русской земли. Между прочим он объяснил бы нам, как это случилось, что состав общества, непрерывною волной притекавшего ко гробу Преподобного, в течение пяти веков оставался неизменным. Еще при жизни Преподобного, как рассказывает его жизнеописатель-современник, многое множество приходило к нему из

различных стран и городов, и в числе приходивших были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, «на селе живущие». И в наши дни люди всех классов русского общества притекают ко гробу Преподобного со своими думами, мольбами и упованиями, государственные деятели приходят в трудные переломы народной жизни, простые люди — в печальные или радостные минуты своего частного существования. И этот приток не изменялся в течение веков, несмотря на неоднократные и глубокие перемены в строе и настроении русского общества: старые понятия иссякали, новые пробивались или наплывали, а чувства и верования, которые влекли сюда людей со всех концов Русской земли, бьют до сих пор тем же свежим ключом, как били в XIV веке. Если бы возможно было воспроизвести писанием все, что соединилось с памятью Преподобного, что в эти 500 лет было молчаливо передумано и перечувствовано пред его гробом миллионами умов и сердец, это описание было бы полной глубокого содержания историей нашей всенародной политической и нравственной жизни.

Впрочем, если Преп. Сергей доселе остается для приходящих к нему тем же, чем был для них при своей жизни, то и теперь на их лицах можно прочитать то же, что прочитал бы монастырский наблюдатель на лицах своих современников 400 или 500 лет назад. Достаточно взглянуть на первые встречные лица из многого множества, в эти дни здесь теснящегося, чтобы понять, во имя чего поднялись со своих мест эти десятки тысяч, а сотни

других мысленно следовали за ними. Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет то же общее чувство, стоя у гробницы Преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уж пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в капле чистой воды. Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека: когда жил Преподобный Сергей и что сделал для Руси XIV века, чем он *был* для своего времени? — и редкий из них даст вам удовлетворительный ответ; но на вопрос, что он *есть* для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твердо и вразумительно.

Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически известное жизненное дело, но имена, которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало все временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть

идеалом. Такие люди становятся для грядущих поколений не просто великими покойниками, а *вечными их спутниками, даже путеводителями*, и целые века благоговейно твердят их дорогие имена не столько для того, чтобы благодарно почитать их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного. Таково имя Преподобного Сергия: это не только назидательная, отрадная страница нашей истории, но и светлая черта нашего нравственного народного содержания.

Какой подвиг так освятил это имя? Надобно припомнить время, когда подвизался Преподобный. Он родился, когда вымирали последние старики, увидевшие свет около времени татарского разгрома Русской земли, и когда уже трудно было найти людей, которые бы этот разгром помнили. Но во всех русских нервах еще до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживавших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала непокойного ребенка лихим татаринном; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать, сами не зная куда. Внешняя случайная

беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиться в народную робость, в черту национального характера, и в истории человечества могла бы прибавиться лишняя темная страница, повествующая о том, как нападение азиатского монгола повело к падению великого европейского народа.

Могла ли, однако, прибавиться такая страница? *Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения.* Как бы ни было тяжко его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу.

Русские люди, сражавшиеся и уцелевшие в бою на Сити, сошли в могилу со своими сверстниками, безнадежно оглядываясь вокруг, не займется ли где заря освобождения? За ними последовали их дети, тревожно наблюдавшие, как многочисленные русские князья холопствовали перед татарами и дрались друг с другом. Но подросли внуки, сверстники Ивана Калиты, и стали присматриваться и прислушиваться к необычным делам в Русской земле. В то время как все русские окраины страдали от внешних врагов, маленькое срединное Московское княжество оставалось безопасным, и со всех краев Русской земли потянулись туда бояре и простые люди. В то же время московские князьки, братья Юрий и этот самый

Иван Калита, смело, без оглядки и раздумья, пуская против врагов все доступные средства, ставя в игру все, что могли поставить, вступили в борьбу со старшими и сильнейшими князьями за первенство, за старшее Владимирское княжение, и при содействии самой Орды отбили его у соперников. Тогда же устроилось так, что и русский митрополит, живший во Владимире, стал жить в Москве, придав этому городку значение церковной столицы Русской земли. И как только случилось все это, все почувствовали, что татарские опустошения прекратились и наступила давно неиспытанная тишина в Русской земле. По смерти Калиты Русь долго вспоминала его княжение, когда ей, впервые в сто лет рабства, удалось вздохнуть свободно, и любила украшать память этого князя благодарной легендой.

Так к половине XIV века подросло поколение, выросшее под впечатлением этой тишины, начавшее отвыкать от страха ордынского, от нервной дрожи отцов при мысли о татарине. Недаром представителю этого поколения, сыну великого князя Ивана Калиты, Симеону, современники дали прозвание Гордого. Это поколение и почувствовало ободрение, что скоро забрезжит свет. В это именно время, в начале сороковых годов XIV века, совершились три знаменательные события: из московского Богоявленского монастыря вызван был на церковно-административное поприще скрывавшийся там скромный 40-летний инок Алексий; тогда же один 20-летний искатель пустыни, будущий Преподобный Сергей, в дремучем лесу — вот на этом самом месте — поставил маленькую

деревянную келию с такою же церковью, а в Устюге у бедного соборного причетника родился сын, будущий просветитель Пермской земли св. Стефан. Ни одного из этих имен нельзя произнести, не вспомнив двух остальных. Эта присноблаженная троица ярким созвездием блещет в нашем XIV веке, делая его зарей политического и нравственного возрождения Русской земли. Тесная дружба и взаимное уважение соединяли их друг с другом. Митрополит Алексей навещал Сергия в его обители и советовался с ним, желал иметь его своим преемником. Припомним душевный рассказ в житии Преподобного Сергия о проезде св. Стефана Пермского мимо Сергиева монастыря, когда оба друга на расстоянии 10 с лишком верст обменялись братскими поклонами.

Все три св. мужа, подвизаясь каждый на своем поприще, делали одно общее дело, которое простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа. Это дело — укрепление Русского государства, над созданием которого по-своему трудились московские князья XIV века. Это дело было исполнением завета, данного русской церковной иерархии величайшим святителем древней Руси митрополитом Петром. Еще в мрачное время татарского ига, когда ниоткуда не проступал луч надежды, он, по преданию, пророчески благословлял бедный тогда городок Москву, как будущую церковную и государственную столицу Русской земли.

Духовными силами трех наших св. мужей XIV века, воспринявших этот завет святителя, Русская

земля и пришла поработать над предвозвещенной судьбой этого города. Ни один из них не был коренным москвичом. Но в их лице сошлись для общего дела три основные части Русской земли: Алексей, сын черниговского боярина-переселенца, представлял старый киевский юг; Стефан — новый финско-русский север; а Сергей, сын ростовского боярина-переселенца, — великорусскую середину. Они приложили к делу могущественные духовные силы. Это были образованнейшие русские люди своего века: о них древние жизнеописатели замечают, что один «всю грамоту добре умея», другой «всякое писание ветхаго и новаго завета пройде», третий даже «книги греческия извыче добре». Потому ведь и удалось московским князьям так успешно собрать в своих руках материальные, политические силы русского народа, что им дружно содействовали добровольно соединившиеся духовные его силы.

Но в общем деле каждый из трех деятелей делал свою особую часть. Они не составляли общего плана действий, не распределяли между собой призваний и подвигов и не могли этого сделать, потому что были люди разных поколений. Они хотели работать над самими собой, делать дело собственного душевного спасения. Деятельность каждого текла своим особым руслом, но текла в одну сторону с двумя другими, направляемая таинственными историческими силами, в видимой работе которых верующий ум прозревает миродержавную десницу Провидения. Личный долг каждого своим путем вел всех троих к одной общей цели.

Происходя из родовитого боярства, искони привыкшего делить с князьями труды обороны и управления страны, митрополит Алексий шел боевым политическим путем, был преемственно главным советником трех великих князей московских, руководил их боярской думой, ездил в Орду ублажать ханов, отмаливая их от злых замыслов против Руси, воинствовал с недругами Москвы всеми средствами своего сана, карал церковным отлучением русских князей, непослушных московскому государю, поддерживая его первенство, с неослабной энергией отстаивая значение Москвы, как единственного церковного средоточия всей политически разбитой Русской земли. Уроженец г. Устюга, в краю которого новгородская и ростовская колонизация, сливаясь и вовлекая в свой поток туземную Чудь, создавала из нее новую Русь, св. Стефан пошел с христианской проповедью в Пермскую землю продолжать это дело обрусения и просвещения заволжских инородцев. Так церковная иерархия благословила своим почином две народные цели, достижение которых послужило основанием самостоятельного политического существования нашего народа: это — сосредоточение династически раздробленной государственной власти в московском княжеском доме и приобщение восточно-европейских и азиатских инородцев к Русской Церкви и народности посредством христианской проповеди.

Но чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство и ввести инородцев в ограду христианской Церкви, для этого

самому русскому обществу должно было стать в уровень столь высоких задач, приподнять и укрепить свои нравственные силы, приниженные вековым порабощением и унынием. Этому третьему делу, нравственному воспитанию народа, и посвятил свою жизнь Преподобный Сергей. То была внутренняя миссия, долженствовавшая служить подготовкой и обеспечением успехов миссии внешней, начатой пермским просветителем; Преподобный Сергей и вышел на свое дело значительно раньше св. Стефана. Разумеется, он мог применить к делу средства нравственной дисциплины, ему доступные и понятные тому веку, а в числе таких средств самым сильным был живой пример, наглядное осуществление нравственного правила. Он начал с самого себя и продолжительным уединением, исполненным трудов и лишений среди дремучего леса, приготовился быть руководителем других пустынножителей. Жизнеописатель, сам живший в братстве, воспитанном Сергием, живыми чертами описывает, как оно воспитывалось, с какой постепенностью и любовью к человеку, с каким терпением и знанием души человеческой. Мы все читали и перечитывали эти страницы древнего жития, повествующие о том, как Сергей, начав править собиравшейся к нему братией, был для нее поваром, пекарем, мельником, дровоколом, портным, плотником, каким угодно трудником, служил ей, как раб купленный, по выражению жития, ни на один час не складывал рук для отдыха; как потом, став настоятелем обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу,

он принимал искавших у него пострижения, не спускал глаз с каждого новичка, возводя его со степени на степень иноческого искуса, указывал дело всякому по силам, ночью дозором ходил мимо келий, легким стуком в дверь или окно напоминал празднословившим, что у монаха есть лучшие способы проводить досужее время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснеть, «тихой и кроткой речью» вызывал в них раскаяние без досады. Читая эти рассказы, видишь пред собою практическую школу благонравия, в которой сверх религиозно-иноческого воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Наставник вел ежедневную дробную терпеливую работу над каждым отдельным братом, над отдельными особенностями каждого брата, приспособляя их к целям всего братства. По последующей самостоятельной деятельности учеников Преподобного Сергия видно, что под его воспитательным руководством лица не обезличивались, личные свойства не стирались, каждый оставался сам собой и, становясь на свое место, входил в состав сложного и стройного целого, как в мозаической иконе различные по величине и цвету камешки укладываются под рукой мастера в гармоническое выразительное изображение. Наблюдение и любовь к людям дали умение тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее чувства, — то умение, перед которым не устоял

самый упрямый русский человек XIV века князь Олег Иванович рязанский, когда по просьбе великого князя московского Дмитрия Ивановича, как рассказывает летописец, «старец чудный» отговорил «суровейшего» рязанца от войны с Москвой, умилив его тихими и кроткими речами и благоуветливыми глаголами.

Так воспитывалось дружное братство, производившее, по современным свидетельствам, глубокое назидательное впечатление на мирян. Мир приходил к монастырю с пытливым взглядом, как ким он привык смотреть на монашество, и если его не встречали здесь словами *прииди и виждь*, то потому, что такой зазыв был противен Сергиевой дисциплине. Мир смотрел на чин жизни в монастыре Преподобного Сергия, и то, что он видел, быт и обстановка пустынного братства поучали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие. В монастыре все было бедно и скудно, или, как выразился разочарованно один мужичок, пришедший в обитель Преподобного Сергия повидать прославленного, величественного игумена, «все худостно, все нищетно, все сиротинско»; в самой ограде монастыря первобытный лес шумел над келиями и осенью обсыпал их кровли палыми листьями и иглами; вокруг церкви торчали свежие пни и валялись небурные стволы срубленных деревьев; в деревянной церковке за недостатком свеч пахло лучиной; в обиходе братии столько же недостатков, сколько заплат на сермяжной рясе игумена; чего ни хватись, всего нет, по выражению жизнеописателя;

случалось, вся братия по целым дням сидела чуть не без куска хлеба. Но все дружны между собою и приветливы к пришельцам, во всем следы порядка и размышления, каждый делает свое дело, каждый работает с молитвой и все молятся после работы; во всех чуялся скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Мир видел все это и уходил ободренный и освеженный, подобно тому, как мутная волна, прибывая к прибрежной скале, отлагает от себя примесь, захваченную в неопрятном месте, и бежит далее светлой и прозрачной струей. Надобно припомнить людей XIV века, их быт и обстановку, запас их умственных и нравственных средств, чтобы понять впечатление этого зрелища на набожных наблюдателей. Нам, страдающим избытком нравственных возбуждений и недостатком нравственной восприимчивости, трудно уже воспроизвести слагавшееся из этих наблюдений настроение нравственной сосредоточенности и общественного братства, какое разносили по своим углам из этой пустыни побывавшие в ней люди XIV века. Таких людей была капля в море православного русского населения. Но ведь и в тесто не много нужно вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически. На это указал Сам Христос, сказав: *Царство Божие подобно закваске*. Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нрав-

ственный строй души русского человека XIV века. От вековых бедствий этот человек так оскудел нравственно, что не мог не замечать в своей жизни недостатка этих первых основ христианского общежития, но еще не настолько очерствел от этой скудости, чтобы не чувствовать потребности в них.

Пробуждение этой потребности и было началом нравственного, а потом и политического возрождения Русского народа. Пятьдесят лет делал свое тихое дело Преподобный Сергей в Радонежской пустыне; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение, и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими. Никто тогда не считал гостей пустытника и тех, кого они делали причастниками приносимой им благодатной росы, — никто не думал считать этого, как человек, пробуждающийся с ощущением здоровья, не думает о своем пульсе. Но к концу жизни Сергия едва ли вырывался из какой-либо православной груди на Руси скорбный вздох, который бы не облегчался молитвенным призывом имени св. старца. Этими каплями нравственного влияния выращены были два факта, которые легли среди других основ нашего государственного и общественного здания и которые оба связаны с именем Преподобного Сергия. Один из этих фактов — великое событие, совершившееся при жизни Сергия, а другой — целый сложный и продолжительный исторический процесс, только начавшийся при его жизни.

Событие состояло в том, что народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарские полчища в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями. Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды? Глаз исторического знания уже не в состоянии разглядеть хода этой подготовки великих бойцов 1380 года; знаем только, что Преподобный Сергей благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения, сказав: «Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь», — и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего на глазах Преподобного Сергия и вместе с князем Дмитрием Донским бившегося на Куликовом поле.

Чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое Преп. Сергей вдохнул в русское общество, еще живее и полнее воспринималось русским монашеством. В жизни русских монастырей со времени Сергия начался замечательный перелом: заметно оживилось стремление к иночеству. В бедственный первый век ига это стремление было очень слабо: в сто лет 1240—1340 гг. возникло всего каких-нибудь десятка три новых монастырей. Зато в следующее столетие 1340—1440 гг., когда Русь начала отдыхать от внешних бедствий и приходить в себя, из куликовского поколения и его ближайших потомков вышли основатели до 150 новых

монастырей. Таким образом, древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния всего мирского общества: стремление покинуть мир усиливалось не оттого, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных. Впрочем, исторические факты здесь говорят не более того, что подсказывает самая идея православного иночества. Эта связь русского монастыря с миром обнаружилась и в другом признаке перелома, в перемене самого направления монастырской жизни со времени Преп. Сергия. До половины XIV века почти все монастыри на Руси возникали в городах или под их стенами; с этого времени решительный численный перевес получают монастыри, возникавшие вдали от городов, в лесной глухой пустыне, ждавшей топора и сохи. Так к основной цели монашества, в борьбе с недостатками духовной природы человека, присоединилась новая борьба с неудобствами внешней природы; лучше сказать, эта вторая цель стала новым средством достижения первой.

Преподобный Сергий со своею обителью и своими учениками был образцом и начинателем в этом оживлении монастырской жизни, «начальником и учителем всем монастырем, иже в Руси», как называет его летописец. Колонии Сергиевой обители, монастыри, основанные учениками Преподобного или учениками его учеников, считались

десятками, составляли почти четвертую часть всего числа новых монастырей во втором веке татарского ига, и почти все эти колонии были пустынные монастыри подобно своей митрополии. Но, убегая от соблазнов мира, основатели этих монастырей служили его насущным нуждам. До половины XIV века масса русского населения, сбита врагами в междуречье Оки и верхней Волги, робко жалась здесь по немногим расчищенным среди леса и болот полосам удобной земли. Татары и Литва запирали выход из этого треугольника на запад, юг и юго-восток. Оставался открытым путь на север и северо-восток за Волгу; но то был глухой непроходимый край, кое-где занятый дикарями финнами; русскому крестьянину с семьей и бедными пожитками страшно было пуститься в эти бездорожные дебри. «Много было тогда некрещеных людей за Волгой», т. е. мало крещеных, говорит старая летопись одного заволжского монастыря о временах до Сергия. Монах-пустынный и пошел туда смелым разведчиком. Огромное большинство новых монастырей с половины XIV до конца XV веков возникло среди лесов костромского, ярославского и вологодского Заволжья: этот волжско-двинский водораздел стал северной Фиваидой православного Востока. Старинные памятники истории Русской Церкви рассказывают, сколько силы духа проявлено было русским монашеством в этом мирном завоевании финского языческого Заволжья для христианской Церкви и русской народности. Многочисленные лесные монастыри становились здесь опорными пунктами

крестьянской колонизации: монастырь служил для переселенца-хлебопашца и хозяйственным руководителем, и ссудной кассой, и приходской церковью, и наконец приютом под старость. Вокруг монастырей оседало бродячее население, как корнями деревьев сцепляется зыбучая песчаная почва. Ради спасения души монах бежал из мира в заволжский лес, а мирянин цеплялся за него и с его помощью заводил в этом лесу новый русский мир. Так создавалась верхне-волжская Великороссия дружными усилиями монаха и крестьянина, воспитанных духом, какой вдохнул в русское общество Преподобный Сергей.

Напутствуемые благословением старца, шли борцы, одни на юг за Оку на татар, другие на север за Волгу на борьбу с лесом и болотом.

Время давно сваяло эти дела с народной памяти, как оно уже глубоко заметало вековой пылью кости куликовских бойцов. Но память святого пустынножителя доселе царит в народном сознании, как гроб с его нетлеющими останками невредимо стоит на поверхности земли. Чем дорога народу эта память, что она говорит ему, его уму и сердцу? Современным, засохшим в абстракциях и схемах, языком трудно изобразить живые, глубоко сокрытые движения верующей народной души. В эту душу глубоко запало какое-то сильное и светлое впечатление, произведенное когда-то одним человеком и произведенное неуловимыми, бесшумными нравственными средствами, про которые не знаешь, и что рассказать, как не находишь слов для передачи иного светлого и ободряющего, хотя

молчаливого взгляда. Виновник впечатления давно ушел, исчезла и обстановка его деятельности, оставив скудные остатки в монастырской ризнице да источник, изведенный его молитвою, а впечатление все живет, переливаясь свежей струей из поколения в поколение, и ни народные бедствия, ни нравственные переломы в обществе доселе не могли сгладить его. Первое смутное ощущение нравственного мужества, первый проблеск духовного пробуждения — вот в чем состояло это впечатление. Примером своей жизни, высотой своего духа Преподобный Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна. Так думали тогда все на Руси, и это мнение разделял православный Восток, подобно тому цареградскому епископу, который, по рассказу Сергиева жизнеописателя, приехав в Москву и слыша всюду толки о великом русском подвижнике, с удивлением восклицал: *«Како может в сих странах таков светильник явиться?»* Преподобный Сергей своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших *во тьме и сени смертной*, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, кото-

рым горел озаривший их светоч. Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня — такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник — вера. Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к действию эти силы всегда, когда они понадобятся, когда окажутся недостаточными наличные обиходные средства народной жизни. Впечатление людей XIV века становилось верованием поколений, за ними следовавших. Отцы передавали воспринятое ими одушевление детям, а они возводили его к тому же источнику, из которого впервые почерпнули его современники. Так духовное влияние Преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и вошло в состав духовного богатства народа. Это имя сохранило силу непосредственного личного впечатления, какое производил Преподобный на современников; эта сила длилась и тогда, когда стало тускнеть историческое воспоминание, заменяясь церковной памятью, которая превращала это впечатление в привычное, поднимающее дух настроение. Так теплота ощущается долго после

того, как погаснет ее источник. Этим настроением народ жил целые века; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок. При имени Преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады Преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятями деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятями срастается нравственное чувство народа; они — его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них — оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота Лавры Преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его.

ИЗ СЛОВА академика Н.К.Рериха

на освящение часовни Св.Преподобного СЕРГИЯ, со-
оруженной Сибирским Отделом Общества Друзей Му-
зея Рериха, в Радонеге, Чураевка, шт. Коннектикут

Святой Сергей — Строитель Русской Духовной
Культуры.

Каждое упоминание этого священного имени повелительно зовет всех нас к непрестанному свет-
лому труду, к самоотверженному созиданию и де-
лает из Святого Сергия, поистине, Преподобного
для всех веков и народов. Повторяю, для всех ве-
ков и народов, ибо культура духа стоит над всеми
границами. И нет такой религии, и нет такого уче-
ния, носитель которого не преклонился бы перед
образом Преподобного, когда вы расскажете ему о
трудах Его.

Ориген заповедал: «Глазами сердца смотри». Не
есть ли это также и заповедь Самого Преподобно-
го, который в пламенной Чаше вознес заповедь
сострадания и любви.

Преподобный Исаак Сирин сказал: «Когда мы
в покое — демоны веселятся, а когда в трудах —
Ангелы радуются». Этими со-ангельскими труда-
ми положил Преп. Сергей краеугольный, нести-
раемый камень русской духовной культуры, внося
его в сокровищницу мирового почитания...

Случайно ли, что на всех путях сужденных вырастают священные знамена Преподобного? Дивно и чудно видеть, как даже в наше смятенное, отягощенное мраком время всюду возносятся светочи храмов и часовен во Имя Преподобного. В Париже Сергиева Обитель, в Лондоне Сергиева группа учащихся. В Южной Америке Имя Святого Сергия. Под Нью-Йорком мы имеем радость освятить часовню Св. Сергия. В Нью-Йорке, в доме Музея, комната-часовня Преподобного. По Азии раскинуты зачатки часовен и храмов во Имя этого непобедимого Водителя ко Благу. Огромное количество книг, статей и листовок посвящены Преподобному. Всюду благовестит это непобедимое Имя.

Больше того, когда вам приходится встречать людей близких в духе, рано или поздно, но безошибочно вы узнаете от них, что у кого в сердце, у кого и в образе носится это священное Имя, так объединяющее, так зовущее от дня вчерашнего перейти к светлому завтра.

Обратите внимание, Преподобный в жизни своей не терялся в искании, но устремленно восходил и строил. Можно сказать, что, далеко за пределами Богоискателя, он был Богоносцем...

Преподобный приобщался от пламенной Чаши. Преподобному сослужил Пламенный. В этой благодатной пламенности, в этом благом огне творщем дошел до нас облик Святого Сергия. И пламенны были видения Ему Владычицы!

Познающий Пламень Сердца навсегда связан с Обликом Преподобного. Это великое познание, редко сходящая благодать, навсегда соеди-

нила Имя Преподобного с представлением о всезнании. «Преподобный знает» — так запомнил народ. «Преподобный знает, когда спасти», — «Преподобный знает, когда явиться», — «Преподобный знает, когда помочь», — «Преподобный знает, чье сердце доступно благодати», — «Преподобный знает, где нет неверия и предательства», — «Преподобный знает, где искренний дар».

Во всех встречах о имени Преподобного приходим к тому же понятию о непреложности знания Его, о мудрости подвига Его. В этом схождении на понятии знания, культуры, мы найдем спасение общее. Чем же иначе заменим мы разрушительное отрицание, неверие, легкомыслие, предательство вольное и невольное!

В осознании прекрасной благодати только и мыслимо схождение. Человечество устало от разрушений и смятений, выдувающих пламень сердца. Чудесно является перед нами великое Имя Водителя, с которым неразрывно связано и знание и строительство, сострадание и неутомимая твердость. Да поможет нам Преподобный стать сильными пособниками Ему в Его неутомимых великих трудах, и зримых и незримых, и сказанных и несказанных! Несказанных во всей своей невыразимости условным языком человеческим, но, по счастью, кроме языка словесного человечеству дан и язык сердца.

В этом языке пламенном, в огне сердца, сойдемся мы и, забыв темноту дня вчерашнего, устремимся совместно к Свету.

Свет один, так же как и тьма одна, и при внесении Света тьма рассеивается.

Да поможет нам Преподобный приобщиться к великому единому Свету.

1931 г.

**Преподобный
Сергий Радонежский**

Очерк Е.И.Рерих

Прости мне, великая Лавра Сергиева, если мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергиеву. Чту и в красующихся ныне храмах твоих дела Святых, обителища Святых, свидетелей праотеческого благочестия; люблю чин твоих Богослужений, и ныне с непосредственным благословением Преподобного Сергия совершаемых; с уважением взираю на твои столпостены, непоколебавшиеся и тогда, когда поколебалась было Россия; знаю, что и Лавра Сергиева и пустыня Сергиева есть одна и та же, и тем же богата сокровищем, то есть Божией Благодатию, которая обитала в Преподобном Сергии, в его пустыне, и еще обитает в Нем и в Его мощах, в Его Лавре; но при всем том желал бы и узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, унаследованное потом Лаврою.

Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и Ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной.

Отворите мне дверь тесной келии, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа

молитв и воздыханий Преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором впечатлено столько глаголов духовных, пророчесственных, чудодейственных.

Дайте мне облобызать праг ее сеней, который истерт ногами Святых, и чрез который однажды переступили стопы Царицы Небесной... Ведь это все здесь; только закрыто временем или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге»... Таковы слова, произнесенные Митрополитом Московским Филаретом, бывшим сорок лет настоятелем Сергиевой Лавры.

Да, «это все здесь», и Преподобный Сергий неотступно бодрствует над своею Обителью и над любимую им Россиею.

По древнему преданию, главным образом из сообщений Епифания, ученика Преподобного Сергия, первого его жизнеописателя, мы знаем, что Великий Светильник Земли Русской родился в 1314 году в семье именитых бояр ростовских Кирилла и Марии, и был наречен во св. крещении Варфоломеем. Вотчина родителей Сергия находилась в четырех верстах от Ростова Великого, по дороге в Ярославль. Несмотря на то, что родители его были «бояре знатные» и Кирилл, отец его, был любимым боярином князей Ростовских и часто сопровождал их в их путешествия в Орду, жили они просто, люди были тихие и глубоко религиозные. Тот же жизнеописатель подчеркивает, что

они были особенно «страннолюбивы», помогали и охотно принимали у себя странников. И несомненно, эти-то странники, часто являющиеся вызывателями начала ищущего, и особенно их зазывные рассказы, столь противоречащие обыденности, глубоко западали в душу впечатлительного отрока Варфоломея и от ранних лет наметили его судьбу.

Семи лет Варфоломей, вместе с братьями, старшим Стефаном и младшим Петром, был отдан учиться грамоте в церковную школу, но грамота плохо давалась ему. Учитель наказывал его, родители огорчались и усовещали, сам же он со слезами молился, но дело вперед не двигалось, хотя он напрягал все силы к уразумению учения. И вот случилось чудо, о котором говорят все жизнеописания Преподобного.

Однажды отец послал Варфоломея разыскать коней в поле. Мальчик, во время поисков своих, вышел на поляну и увидел под дубом «старца-схимника, погруженного как бы в молитвенное созерцание». Варфоломей приблизился и молча стал в ожидании, когда старец заметит его. И вот старец обратился ласково к отроку, спросив: «Что тебе надо, чадо, от меня?» — и Варфоломей, земно поклонившись, с глубоким душевным волнением, сквозь слезы, поведал ему свое горе и просил старца молиться, чтобы Бог помог ему одолеть грамоту. И под тем же дубом старец стал на молитву и рядом с ним Варфоломей. Окончив, чудный старец вынул из-за пазухи ковчежец и взял из него частицу просфоры, благословил и велел ему съесть,

сказав: «Сие дается тебе в знамение Благодати Божьей и уразумения Святого Писания; не скорби более, чадо мое, о грамоте, ибо отныне даст тебе Господь разум в учении». Сказав это, старец хотел удалиться, но благодарный Варфоломей молил его посетить дом его родителей. С честью приняли странника благочестивые Кирилл и Мария. За трапезой родители Варфоломея рассказали многие знамения, сопровождавшие рождение сына их, и старец пояснил им, что сыну их «надлежит сделаться обителем Пресвятой Троицы, дабы многих привести вслед себе к уразумению Божественных Заповедей». После этих пророческих слов чудный старец удалился.

С этого времени в Варфоломее как бы проснулось предчувствие предстоящего ему подвига, и он всею душою пристрастился к богослужению и изучению священных книг. Оставив сверстников с их развлечениями, он весь ушел в свой нарождавшийся духовный мир.

Рассказы странников, чтения жития Святых, примеру которых уже от ранних лет пытался он подражать, ибо, по словам жизнеописателя, он соблюдал не только умеренность во всем, но даже подвергал себя всякого рода лишениям, чем причинял не мало забот и опасений своим родителям, — все это слагало характер будущего великого Подвижника и Воспитателя народного духа.

Итак, за годы отрочества и ранней юности в нем неуклонно накапливалось стремление и назрело решение уйти из мира, в мир Высший, мир общения с Силами Светлыми. Уже к порогу юности

ясно наметился в нем будущий отшельник и инок. Не потому ли, что живая связь с Силами Высшими от младенчества пребывала в сердце его? Откуда знамения? Откуда Старец дивный? Возможно, что и сама жизнь того времени, со всеми ее насильями, жестокостью, лишь укрепляла его мысли на уходе, на подвиге. Возможно, что не просто мысли о спасении своей души поглощали его. Возможно, что тайный голос устремлял его на подвиг поднятия духа народа и спасение Земли Русской? Ведь не мог он забыть пророчества чудного Старца!

Около 1330 г. отец его потерял почти все свое состояние в силу многих причин, но главным образом от очередного страшного набега татарской рати, истребившей почти весь Ростов огнем и мечом; об этом набеге упоминает и Епифаний. Кроме того, по причислению Ростовского княжества к Московскому, воеводы великокняжеские, во время своих объездов за сбором пошлин в полуразоренный Ростов, отличались крайней алчностью и жестокостью. Будучи разорен до крайности, Кирилл решил покинуть родной город, и со всюю семьей перешел в Радонеж (в 12-ти верстах от нынешней Лавры), удел, оставленный Иваном Калитою сыну своему Андрею. В то время владельцы, желая заселить дикий и лесистый край, старались привлечь к себе население других областей и давали пришедшим большие льготы; так поступал и Андрей. Кирилл получил в Радонеже поместье, сам служить уже не мог по старости, его замещал сын Стефан, женившийся еще в Ростове; женился и младший сын Кирилла Петр, один Варфоломей

продолжал прежнюю жизнь, жизнь инока в миру. И, несмотря на свое все возрастающее стремление к отшельничеству, к суровому подвигу, он уступил просьбе родителей и остался с ними «покоить их старость». Епифаний особенно подчеркивает его отношение к родителям, указывая, что он оставался сыном послушным, и факты жизни подтверждают это. Он твердо и неуклонно шел намеченным путем и при всех обстоятельствах оставался верным себе, но был чужд всякому насилию; эта черта сказывалась в нем особенно ярко от ранней юности, и она же помогла ему вместить и послушание воле родительской.

Но Силы Высшие, бодрствовавшие над избранником своим, просто и без насилия привели его к назначенному. Родители не долго задержали юного подвижника. Скоро сами удалились в Хотьковский монастырь, и очень скоро там умерли, как раз ко времени, когда Варфоломей вышел из юношества и окрепший организм его мог уже выдержать суровости пустынного жития. Варфоломей мог осуществить заветное желание свое.

Оставив имущество брату своему Петру, отправился он к брату Стефану, который к этому времени овдовел и тоже принял монашество, и убедил его вместе отправиться на трудный подвиг, на «взыскание места пустынного»; этим было им положено начало нового, необычного подвига.

Братья выбрали возвышенное место в дремучем лесу, носившее название «Маковец», находившееся в 12-ти верстах от Радонежа, недалеко от речки Кончуры. Здесь впоследствии возник славный

Троицкий монастырь. Место это поражало своей красотой, и, как летопись утверждает, «глаголетъ же древний, видяху на том месте прежде свет, а инии огонь, а инии благоухание слышаху». Тут братья поселились и поставили два сруба, один для церкви, другой для жилья. Митрополит Феогност, к которому они отправились, пешком, в Москву, благословил их и послал священника освятить церковь. Церковь освятили во имя Святой и Живоначальной Троицы. Так было положено начало выполнению пророчества таинственного Схимника.

Но Стефан не долго выдержал тяготу пустынного жития и ушел в Московский Божоявленский монастырь. Варфоломей остался один. Вначале изредка заходил для совершения богослужения старец Митрофан, который затем и постриг его в иноческий чин с именем Сергия.

Затем начались дни, месяцы и годы полного одиночества, погружения в жуткое безмолвие пустыни, и кто может сказать все борения и все возвышения духа его? Кто перечтет все испытания страхом, пустынною жутью, голодом, подчас и унынием и, главным образом, борьбу с невидимыми темными силами? Эта борьба с темными силами отмечена во всех учениях под разными наименованиями, и ни один из вступивших на путь духовного совершенствования не может избежать ее. И, конечно, человек восходящий чувствует гораздо глубже этот натиск. Он должен единою мощью духа отражать натиск темных сил, сильных уловками своими. Борьба эта является как бы преддверием приближения к Миру Огненному. Все подвижники

прошли через ступени этой борьбы. Приступая к подвижничеству духовному, никто не может пребывать в непрестанном горении и постоянном восхищении духа, ибо не выдержала бы плоть его, особенно же в первые годы, потому за высоким подъемом неминуемо следует уныние и даже острая тоска. Но на падения эти нужно смотреть как на самозащиту и подготовку к следующему, еще большему возношению. Лишь при неуклонном стремлении, при строжайшей дисциплине духа, с годами устанавливается внутреннее равновесие, и каждый подвижник находит свою меру постоянного горения, иначе говоря, устанавливается непрестанный ток общения с Силами Высшими.

К этой борьбе с темными искушениями, к этому закалу, необходимому для Высшего Общения, в полной мере приобщился и Сергей. Даже таким избранным приходится обуздывать свою природу в борьбе с темными силами, которые тем сильнее нападают, чем ярче горит в подвижнике сила, противоположная им. Несомненно, это было труднейшее время, требовавшее громадного напряжения духовных и телесных сил. Он не имел учителя в своей духовной жизни. Иерей Митрофан, постригший его, вряд ли мог ознакомить его с чуждым ему самому подвигом. Возможно, что до некоторой степени он руководствовался «Наставлением пустынноикам», составленным св. Василием, но вернее предположить, что он сам находил свой путь и мужественно и бестрепетно отражал все нападения, все страшные видения единою мощью молитвы сердца.

«Представим себе, — пишет Рогович в своем очерке “Сергий Радонежский”, — обстановку такого ночного одиночества в глухую зимнюю пору: в малой келии полутемно и отовсюду дует пронизывающим зимним холодом, ветер свищет и стонет в трубе, и ударяет порывами в окна и стены, издали подвывают волки, подбирающиеся к Человеческому жилью, а в окна, из мрака ночи, словно заглядывают какие-то искаженные, страшные, злобные лица; из воя ветра порою выделяются дикие раскаты хохота, угрожающие голоса; кругом мрак и сознание полного одиночества, а молодой инок стоит перед святыми иконами в напряженной молитве, тихое умиление души побеждает и страх, и усталость, и ощущение холода. После короткого сна трудный рабочий день, и так однообразною вереницею тянутся короткие зимние дни и бесконечные ночи».

Епифаний передает, как Преподобный сам рассказывал своим ученикам о мучивших его видениях. Как однажды он в «церквице» своей стоял на всенощном бдении, и вот раздался треск и стена церковная расступилась, и через расселину вошел сам сатана, а с ним «полчище бесовское», в остроконечных шапках, и с угрозами как бы устремились на него. Они гнали, наступали на него и грозили ему, но он молился и продолжал начатое им бдение, повторяя: «Да воскреснет Бог и да расточатся враги Его». И бесы так же внезапно исчезли, как и появились.

В другой раз Сергий был в келии своей, и вот раздался сильный шум от несущихся сил бесовских,

и наполнилась келия его змеями, а полчища бесовские окружили хижину его, и слышен был крик: «Отыди, отыди скорее от места сего! Что хочешь обрести здесь... или не боишься умереть здесь от голода? Вот и звери плотоядные рыщут вокруг тебя, алчущие растерзать тебя, беги немедленно!» Но Сергей и на этот раз остался тверд и мужественно отражал их молитвою. Внезапно проявившийся необычайный свет рассеял полчища темных.

Видимо, он более всего подвергался искушению «страхованиями», другие искушения чужды были его чистоте душевной. Но, как мы видим, и с этими «страхованиями» он скоро совладал ясностью духа и великою верою в Силы Высшие, хранившие его; об этом свидетельствует вскоре начавшийся появляться, вслед за натиском темных, необычайный свет, который и рассеивал полчища бесовские.

Но и в эту пору жутких испытаний и закалений духа были у Сергея и светлые явления; не все они были записаны, но сохранилось предание об одном, весьма характерном и связанном уже с Богоматерью. «Так, однажды Сергей хотел прочесть о житии Богородицы, но порыв ветра потушил лампаду. Тогда Сергей настолько воспылал духом, что книга просияла Светом Небесным, и он мог прочесть и без лампы».

Совладал он и со страхом перед дикими зверьми. Так, по Никоновской летописи, у него был лесной друг. Однажды Сергей увидел у порога келии своей огромного медведя, ослабевшего от голода. Пожалел его и принес из келии краюшку

хлеба. Мохнатый пришелец мирно съел, и потом часто стал навещать его. Сергей делился с ним скудным запасом своим, и медведь стал ручным; так закалялся Дух Преподобного к предстоящему ему подвигу Воспитателя духа народного и Строителя Земли Русской. «Какие тайны подвигов скрыла непроходимая чаща соснового бора, вскарабкавшегося по тому холму, на котором поселился чудный отшельник?... — вопрошает в своем очерке В. Никаноров. — Сколько было невыразимой красоты в этой жизни, все содержание которой можно обнять одним словом Бог... Ни одна живая душа не пробиралась еще в таинственное уединение. Никого не было между пламенеющим духом, рвавшимся к Богу, и взирающим на славный подвиг... Словно костер незагасимый зажегся тогда в дремучем лесу, на этом месте Сергиевом.

Самая высшая из молитв — это непрерывное удивление Творцу — больше всего наполняла душу Преподобного Сергия. Но была у него еще одна молитва.

“Бог и родина” — вот то, что двигало жизнью и судьбою Преподобного Сергия... и эта любовь дала ему возможность так совершенно, до конца, исполнить заповедь Господню о любви к людям».

По-видимому, не долго пробыл Сергей в полном одиночестве, ибо тот же Епифаний повествует: «Пребывшу ему в пустыни единому единствовавшу или две лете или боле, или меньши неведе, Бог весть». Слухи о его подвижническом житии скоро разнеслись по окрестности, и стали навещать его люди, прося назидания и совета во всех

делах своих; и никого не отпускал юный подвижник без утешения, без слова ободрения и вразумления.

Наконец, пришли к нему и желавшие подражать ему в подвиге жизни и просили принять их в число учеников его. Сергей проникательно разбирался в их побуждении и душевном складе. Никогда не отказывал искренно искавшим подвига, лишь предупреждал их о трудности пустынного жития и о страхах, оборевавших новичков; он говорил им: «Приемлю вас, но да будет известно каждому из вас, что если пришли работать Богу и хотите здесь со мною безмолвствовать, то уготовайте себе претерпеть всякия беды и печали, и нужды и недостаток; ибо многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное... Но не бойся же, мало стадо, я верю, веруйте и вы, что Господь не предаст вас до конца искушенными быть против ваших сил. Ныне печалью исполнены будем, а завтра печаль наша радостью будет и преизбудет, и никто не может взять радости нашей. Дерзайте, дерзайте, люди Божии!» Замечательно, как часто мы встречаем в его словах, обращенных к ученикам и приходящим к нему, слово «радость». Она звучит и в наставлении к труду, и в молитве, исполненной радости духа, и в радости несения подвига. Не этот ли призыв к радости, не эта ли радость, полагаемая им в основание всякого действия, и привлекала к нему столько сердец и впоследствии сделала его Обитель средоточием духовной культуры, опорой и прибежищем во все тяжкие минуты жизни Земли Русской?

На первых порах пустынножители не руководствовались никакими правилами или уставами, но

имели перед собою лишь живой пример истинного подвижничества в лице своего основоположника. Когда собралось к Сергию до двенадцати учеников и было построено двенадцать отдельных келий, то вокруг всего застроенного пространства поставили высокий деревянный тын с воротами для безопасности от диких зверей, и тихо потекла жизнь отшельников в новоустроенной обители.

Из первых учеников Преподобного известны — Сильвестр (Обнорский), Дионисий, Мефодий (Пешношский), Симон Экклесиарх и Исаакий Молчальник, Макарий, Андроник, Феодор, Михей и другие. Как сказано, образцом всевозможного труженичества и подвигов для вновь прибывших был сам Преподобный. Сам рубил келии, таскал бревна, колол дрова, носил воду с двумя водносами для братии, молол ручными жерновами, пек просфоры, варил квас, катал церковные свечи, кроил и шил одежду, обувь, и работал на братию, по выражению Епифания, «как раб купленный». Летом и зимою ходил в той же одежде, ни мороз его не брал, ни зной, и, несмотря на скудную пищу, был очень крепок, «имел силу против двух человек», и ростом был высок. Был и на службах первым. В промежутках между службами, была введена им молитва в келиях, работа в огородах, шитье одежды, переписывание книг и даже иконописание. Для совершения литургии, в дни праздничные, приглашали из ближайшего села священника.

Приходя в церковь к полунощнице и расходясь по келиям после вечерни, братии земно кланялись

друг другу и обменивались целованием, заповеданным Апостолами. По уходе братии в келии, в обители воцарялась тишина, нарушаемая разве во-ем диких зверей, нередко приближавшихся ночью к самой ограде обители, или же тихим пением псалмов бодрствующего брата.

В келиях своих иноки большую часть времени проводили в чтении священного писания и в молитве, прекращая всякое сношение с братией, следуя примеру самого Преподобного. Таковы были основные порядки в новоучрежденной обители, исключавшей всякое нарушение законов нравственной чистоты жизни человека.

Будучи основоположником нового иноческого пути, Преподобный Сергей не изменил основному типу русского монашества, как он сложился в Киеве XI-го века, но в его облике проступают еще более утонченные и одухотворенные черты. Кротость, духовная ясность, величайшая простота являются основными чертами его духовного склада. При непрестанном труде, мы нигде не видим поощрения суровости аскезы, нигде нет указаний на ношение вериг или истязание плоти, но лишь непрестанный, радостный труд, как духовный, так и физический.

Так из пустытника, созерцателя, Сергей вырастал в общественного деятеля и готовился не-исповедимыми путями к роли государственной. Росла с ним и его Обитель, которой было суждено сыграть огромную историческую роль по распространению духовной культуры и укреплению Государства Русского.

С увеличением числа братии начала ощущаться потребность введения более определенных и твердых правил, явилась нужда в игумене. Но, несмотря на усиленные просьбы братии быть среди них игуменом, Сергей непреклонно отказывался, говоря: «Желание игуменства есть начало и корень властолюбия». Это нестяжание власти красной нитью проходит во всей его жизни. И тогда, по просьбе Сергея, первым игуменом Св. Троицкой Обители стал тот самый старец Митрофан, который постриг его в монашество. Только после скорой кончины этого старца, уступая просьбам и даже угрозам братии разойтись и нарушить обет свой, ибо, как говорили они: «Ты дашь ответ нелицеприятному Судии — Богу. Мы ради тебя, услышав о добродетели твоей, возложив на тебя все упование, оставили все в мире и водворились по твоему согласию на месте сем...», — Сергей отправился, наконец, с двумя старейшими братьями к епископу Афанасию в Переяславль-Залесский. Но в Переяславле уже слышали о подвигах Преподобного, и Святитель Афанасий весьма обрадовался, увидав Сергея, и без колебания повелел ему принять игуменство. Тут же поставил его в иподиаконы и в иеродиаконы, и на другой же день облек его во священство. А в день следующий Преподобный, с глубоким умилением и духовным

подъёмом, впервые служил Литургию. Отпуская его, епископ Афанасий напутствовал его: «Должно тебе, возлюбленный, немощи немощных нести, а не себе угодать... друг друга тяготы нести и тако исполните закон Христов...»

Можно представить, с какой радостью братия встретила нового игумена, своего давнего наставника. Приняв игуменство, Сергей ничего не изменил в обращении своем с братией, ни в своей труженической жизни, лишь принял еще большую ответственность. Так же, как и раньше, нес он все работы и служил братии, «как раб купленный», и одежду носил ветхую и покрытую заплатами, так что трудно было различить, кто был старший из них и кто младший, ибо Преподобный с самых первых дней воплотил в образе своем завет первенства, указанного Христом: «Кто хочет между вами быть первым, да будет всем слугою».

В первые годы существования Обители ощущалась сильная скудность и недохватки. «Все худосотно, все нищетно, все сиротинско», как выразился один мужичок, пришедший в Обитель Преподобного повидать прославленного и величественного игумена; «чего ни хватись, всего нет». Нередко случалось, что в Обители не было ни вина для совершения литургии, ни фимиама, ни воска для свечей; тогда, чтобы не прекращать богослужения, зажигали в церковке, на вечерние службы, березовую лучину, которая с треском и дымом светила чтению и пению. Но зато «сердца терпеливых и скудных пустынников горели тише и яснее свечи, и пламень душ их достигал Престола Вышнего».

Так находим свидетельство другого подвижника, по времени близкого к Преподобному Сергию, который пишет: «Толику же нищету и нестяжание имееху, яко во обители Блаженного Сергия, и самья книги не на хартиях писаху, но на берестях». И действительно, все богослужбные книги и многие другие священные писания были переписаны братией и самим Преподобным в часы досуга на досках и на бересте. Образцы этих трудов, так же как первые деревянные священные сосуды и фелонь Преподобного, из некрашеной крашенины с синими крестами, хранились в Лаврской библиотеке и ризнице.

Свидетельствуя об игуменстве Сергия, тот же подвижник пишет: «Слышахом о Блаженном Сергии... от неложных свидетелей, иже бяху в лета их, яко толику бодрость и тщание имееху о пастве, яко ни мало небрежение или преслушание презрети. Бяху бо милостив, егда подобаше и напрасни, егда потреба быше, и обличающе и понуждающе ко благому согрешающие...» Все это дает нам облик вечно бодрствующего, зоркого наставника, следящего за каждым братом, особенно же за новичком, и, при всей мягкости своей, не допускающего уклонений от установленных правил. Введенная им суровая дисциплина, требовавшая от учеников постоянной бдительности над мыслями, словами и поступками своими, сделала из его Обители воспитательную школу, в которой создавались мужественные, бесстрашные люди, воспитанные на отказе от всего личного, работники общего блага и творцы нового народного сознания.

Приведенные Епифанием в жизнеописании установленные Преподобным правила указывают на суровость этой дисциплины. Так, после вечерни не разрешалось братии выходить из келий и беседовать друг с другом. Каждый должен был пребывать в своей келии и упражняться в молитве, в уединенном богомыслии и, чтобы руки их не были праздны, заниматься рукоделием, не давая возможности лени овладеть телом.

Часто в глухие зимние ночи Преподобный обходил тайно около братских келий для наблюдения за исполнением правила его, и если находил кого на молитве, или читающим книгу, или за ручным трудом, радовался духом и шел дальше; но если слышал празднословящих, то легким ударом в оконце подавал знак о прекращении недозволенной беседы и удалялся. Наутро же призывал провинившихся и наставлял их кротко, но сильно, и приводил к раскаянию. При этом, чтобы не задеть, он часто говорил притчами, пользуясь самыми простыми и обыденными образами и сравнениями, которые глубоко западали в душу провинившегося.

Другим замечательным правилом Преподобного было запрещение братии ходить из Обители по деревням и просить подаяния, даже в случае крайнего недостатка в пропитании. Он требовал, чтобы все жили от своего труда или от добровольных, не выпрошенных подаяний. Труд в его Учении играл огромную роль. Сам он подавал пример такого трудолюбия и требовал от братии такой же суровой жизни, какую вел сам. Как бы в подтверждение

этого правила, мы находим следующий пример из жизни самого Преподобного в те дни, когда в Обители еще существовал порядок особножития.

Преподобный однажды три дня оставался без пищи, а на рассвете четвертого пришел к одному из своих учеников, у которого, как он знал, был запас хлеба, и сказал ему: «Слышал я, что ты хочешь пристроить сени к твоей келии, построю я тебе их, чтобы руки мои не были праздны».

«Весьма желаю сего, — отвечал ему Даниил, — и ожидаю древодела из села, но как поручить тебе дело, пожалуй, согласишься с меня дорого?»

«Работа эта не дорого обойдется тебе, — возразил Сергей, — мне вот хочется гнилого хлеба, а он у тебя есть, больше же сего с тебя не потребу».

Даниил вынес ему решето с кусками гнилого хлеба, которого сам не мог есть, и сказал: «Вот, если хочешь, возьми, а больше не взыщи».

«Довольно мне сего с избытком, — сказал Сергей, — но побереги до девятого часа, я не беру платы прежде работы».

И, туго подтянувшись поясом, принялся за работу. До позднего вечера рубил, пилил, тесал и наконец окончил постройку.

Старец Даниил снова вынес ему гнилые куски хлеба, как условленную плату за целый день труда, тогда только Сергей стал есть заработанные им гнилые куски, запивая водою. Причем некоторые ученики из братии видели исходившую из уст его пыль от гнилого хлеба и изумлялись долготерпению своего наставника, не пожелавшего даже такую пищу принять без труда. Подобный пример

лучше всего укреплял не окрепших еще в подвиге самоотвержения.

Эпизод этот очень характерен — с одной стороны, он ярко свидетельствует, насколько Преподобный соблюдал установленные им правила — не просить подаяния, но пользоваться лишь плодами рук своих, трудом заработанными; с другой, в нем проступает вся природная кротость его, все великодушие его, ни одним словом не попрекнувшего черствого сердцем и расчетливого брата и ученика, и только потому, что черствость эта касалась лишь его самого.

Принято называть подобные поступки Сергия смирением, но вернее объяснить их самоотречением.

В том же жизнеописании приведен еще один рассказ, тоже связанный с одним случаем острой нужды в Общине. Здесь снова явлена сила веры, терпения и сдержанности Преподобного рядом с малодушием некоторых из братьев. Одолеваемые голодом, они возроптали: «Слушаясь тебя, нам приходится умирать с голоду, ибо ты запрещаешь нам ходить в мир просить хлеба. Завтра же пойдем отсюда каждый в свою сторону и более не вернемся, ибо не в силах более терпеть здешнюю скудость».

Преподобный же, желая подкрепить малодушных, собрал всю братию и с обычной мягкостью, но и с твердостью увещевал не поддаваться искушению, говоря: «Благодать Божия не без искушений бывает; по скорби же радости ожидаем. Сказано: вечером водворится плач, а заутро радость».

И не успел он окончить, как послышался стук во врата Обители, и вратарь прибежал сообщить, что приехали возы брашен и хлебов.

Случай с хлебами, прибывшими в последнюю минуту, остался в памяти у братии как проявление Высшей Благодати, всегда бодрствовавшей над избранником своим и поддерживавшей его в тяжкие минуты.

Был еще один чудесный случай, связанный с жизнью Обители, много прибавивший к славе Преподобного. Начало ему положило недовольство и ропот братии на недостаток воды. Находившийся поблизости небольшой ручеек со временем иссяк, река же отстояла слишком далеко от Обители; и вот среди братии поднялся ропот на игумена, что далеко им ходить за водою. На это Преподобный отвечал: «Я хотел безмолвствовать один на месте сем. Богу же угодно было воздвигнуть здесь Обитель. Но дерзайте, молитесь!» Потом, взяв с собою одного ученика, вышел из Обители и, найдя недалеко в овраге несколько скопившейся воды, воздел руки и обратился к Господу, чтобы даровал им Господь, как некогда по молитве Моисея, воду и на сем месте. Произнеся молитву, Преподобный начертал крест на земле, и тотчас из земли пробился обильный источник чистой, холодной воды, который братия хотела было назвать Сергиевым, но он запретил им. Впоследствии многие, пившие с верою из этого источника, получали исцеление.

Гпустя десять лет по основании Обители, около нее постепенно стали селиться крестьяне и скоро окружили монастырь своими поселками. Простота, великая сердечность Преподобного, отзывчивость на всякое горе, и более всего его ничем несломимая вера в заступничество Сил Превышних, и отсюда ясная, радостная бодрость, не оставлявшая его в самые тяжкие минуты, привлекали к нему всех и каждого. Не было отказа в его любвеобильном сердце, все было открыто каждому. Каянный язык отказа и отрицания не существовал в его обиходе, «дерзайте» — было его излюбленным речением. Для самого скудного и убогого находилось у него слово ободрения и поощрения. Лишь лицемеры и предатели не находили к нему доступа.

Он постоянно твердил о Хранителях Благих. Он призывал Их в свидетели и знал, что нет тайны от Мира Высшего, Мира Огненного, и, прежде всего, учил признательности Высшему Миру. Каждому приходящему, по сохранившемуся преданию, он предлагал поблагодарить Господа за встречу.

Он говорил: «Поблагодарим Господа, вот и встретились. Так, поблагодарим великих Отцов наших и поклонимся им; и теперь порадуемся или восплачем вместе. Говорят, что радость вдвоем

родит много зерен, и слезы вдвоем как роса Господня». Так Сергей приветствовал начало каждого сотрудничества.

«Иже успеет услышать своего духа голос, над бездною вознесется» — так говорил Сергей.

«И ушедший в леса не может слышать речь людскую, и на ложе уснувший не услышит птичек, солнца возвестников. И чуду явленному молчащий откажется от глаза. И молчащий на брату помощь, занозу из ноги своей не вынет». Так говорил Сергей. Так хранит народ на путях своих сказания мудрые.

Можно утверждать, что Сергей нашел путь к сердцам не только путем чудес, о которых запрещал говорить, но своим личным примером великого сотрудничества, как в большом, так и в малом. Его слово было словом сердца, и, может быть, главная сила его кратких убеждений заключалась в той незримой, но осязаемой благодати, которая излучалась из всего его обаятельного облика, умиротворяюще и ободряюще влиявшего на всех приходивших к нему.

Нигде нет указания на гнев, даже на возмущение, он умел быть твердым и требовательным, но без насилия. Он никогда не жалел себя, и такое качество не было умственным, но сделалось природою, и потому облик его так убеждал. Присущее ему огненное проникновение помогало ему безошибочно разбираться в способностях и душевном складе учеников и поручать каждому задачу по силам его, а также проникать в намерения приближавшихся к нему.

Преподобный входил во все нужды, во все будни как своих учеников, так и всех трудящихся. Каждодневность не притупляла его чувствований и сердце его не нарушало свою отзывчивость на всякие обиходные вопросы. Его учение не отрывало от жизни и полагало труд каждого дня как возношение сердца. Учение это выше всего ставило долг человека с точки зрения общего блага.

Сергий старался всячески очищать и утончать чувства учеников и проходящих к нему за наставлениями, именно, в их жизненном обиходе. Всегда и во всем им руководила целесообразность, которая претворялась в нем в великую вместимость и в примирение противоположений. Так, сам он очень заботился о монастырских огородах, и там же обсуждал содержание новых икон. Также заботился о списывании книг, но знал, что квас не должен слишком бродить. Такие совмещения противоположений не изменяли горения его сердца.

Он умел пользоваться каждым случаем, чтобы заложить в сознание народа зерно нравственного учения и дать проблеск в Мир Высший. Так, он посылал учеников своих на полевые работы к крестьянам, чтобы помочь им и получить возможность говорить о просвещении духа. И зерна его благостного учения дали чудесные всходы. Окрепла нравственность, окреп дух, поднялись силы народа, и подвиг освобождения Земли Русской, на который благословил его Преподобный, стал возможным.

Число иноков в Обители довольно долго ограничивалось двенадцатью по причине трудности добывания средств к пропитанию, но с увеличением населения вокруг Обители и в особенности с приходом Смоленского Архимандрита Симона, который предпочел поменять власть на звание послушника у Сергия и при этом вручил Преподобному свое довольно большое состояние, число братии стало быстро возрастать. На средства Симона была отстроена новая, более обширная церковь, также и необходимые монастырские здания.

Преподобный мог теперь шире принимать приходящих к нему и, как говорит его жизнеописатель, «не отрешал никого же, ни стара, ни млада, ни богата, ни убога». Однако приходящий должен был сначала ходить в мирской одежде, присматриваться к монастырским порядкам и исполнять без роптания все черные работы. Затем, по усмотрению игумена, он облакался в простую рясу и камилавку и, не произнося еще обетов иночества, должен был нести трехлетнее испытание или послушание под руководством избранного старца, чтобы он мог испытать свои силы и вполне сознательно произнести обет.

И хотя Обитель уже не нуждалась теперь, как раньше, но Преподобный был все так же скуден в

одежде и житии своем, так же равнодушен к почету и отличиям, таким и остался до самой смерти. Но все это было в нем естественно, ничем не подчеркнуто, подвиг свой он нес просто, ибо иначе и не мог бы. В этой естественности и простоте следует, прежде всего, искать печать избранности.

Существует рассказ Епифания со слов старцев очевидцев: «Преподобный носил сермяжную ткань из простой овечьей шерсти, да притом такую ветхую, которую, как негодную, другие отказывались носить. Чаще всего шил одежду сам. Однажды не случилось хорошего сукна в обители, была лишь одна половинка гнилая, пестрая и плохо сотканная. Никто из братии не хотел ею пользоваться. Один передавал другому, и так обошла она до семи человек. Но Преподобный Сергей взял ее, скроил из нее рясу и не хотел уже расставаться».

Тот же Епифаний при этом добавляет: «Яко и не познатися ему, худости ради риз его». И приводит следующий случай. Многие приходили издалека, чтобы взглянуть на Преподобного. Пожелал видеть его и один простой землепашец. При входе в монастырскую ограду стал спрашивать братию — как бы повидать их славного игумена? Преподобный же тем временем трудился в огороде, копая заступом землю под овощи.

«Подожди немного, пока выйдет», — отвечали иноки.

Крестьянин заглянул в огород через щель забора и увидел старца в заплатанной рясе, трудившегося над грядкою. Не поверил он, что этот скром-

ный старец и есть тот Сергей, к которому он шел. И опять стал приставать к братии, требуя, чтобы ему показали игумена.

«Я издалека пришел сюда, чтобы повидать его, у меня до него дело есть».

«Мы уже указали тебе игумена, — ответили иноки, — если не веришь, спроси его самого».

Крестьянин решил подождать у калитки. Когда Преподобный вышел, иноки сказали крестьянину:

«Вот он и есть, кого тебе нужно».

Посетитель отвернулся в огорчении.

«Я пришел издалека посмотреть на пророка, а вы мне сироту указываете. Никакой не вижу в нем чести, величества и славы. Ни одежд красивых и многоцветных, ни отроков, предстоящих ему... но все худое, все нищенское, все сиротское. Не до того я еще неразумен, чтобы мне принять сего бедняка за именитого Сергия».

Иноки обиделись, и только присутствие Преподобного помешало им выгнать его. Но Сергей сам пошел навстречу, поклонился ему до земли, поцеловал и повел за трапезу. Крестьянин высказал ему свою печаль — не пришлось ему видеть игумена.

«Не скорби, брате, — утешил его Преподобный, — Бог так милостив к месту сему, что никто отсюда не уходит печальным. И тебе Он скоро покажет, кого ищешь».

В это время в Обитель прибыл князь со свитой бояр. Преподобный встал навстречу ему. Прибывшие оттолкнули крестьянина и от князя, и от игумена. Князь земно поклонился Святому. Тот по-

целовал его и благословил, потом оба сели, а все остальные «почтительно стояли кругом».

Крестьянин протискивался и, обходя кругом, все старался рассмотреть — где же Сергей? Наконец снова спросил:

«Кто же этот чернец, что сидит по правую руку от князя?»

Инок с упрёком сказал ему: «Разве ты пришлец здесь, что доселе не слыхал об отце нашем Сергии?»

Только тогда понял крестьянин свою ошибку. И по отъезде князя бросился к ногам Преподобного, прося прощения.

Сергий же утешил его, сказав: «Не скорби, чадо, ты один справедливо рассудил обо мне», и, побеседовав с ним, отпустил с благословением. Но простодушный землепашец до того был побежден простотью великого Старца, что вскоре снова прибыл в Обитель, чтобы уже остаться в ней, и принял монашество. Так простота и великая благодать Преподобного действовали сильнее всякого великолепия.

Конечно, путь Преподобного не мог не быть отмеченным так называемыми чудесами. Ведь чудо есть знамение великого общения с Силами Высшими, с Иерархией Света. Потому кому же, как не Преподобному, должны были быть открыты они. От детства лежала на нем печать избранничества, и в зрелые годы, когда он укрепился и достиг равновесия духовных сил, общение это проявилось многими чудесами, которые не все дошли до нас, ибо не все были записаны. Так мы знаем о чуде с источником, и вторым чудом было исцеление, по некоторым же сведениям — воскрешение ребенка.

К этому времени слава о нем, как о Святом, разнеслась далеко, и с дальних сторон приходили к нему с поклонением, за советом и, главным образом, со всеми бедами. И Преподобный в своем любвеобильном сердце находил нужное слово для каждого. Епифаний передает, как один человек, живший в окрестностях Троицкой Обители, имел единственного сына, и тот тяжко занемог. Отец, исполненный веры, понес его к Преподобному. Но пока он изливал свои мольбы и Сергей готовился совершить молитву, отрок, в жестоком припадке, умер. Отец впал в отчаяние и даже стал упрекать Преподобного, что, вместо утешения, скорбь его только умножилась, ибо лучше бы ему было умереть дома; по крайней мере, у него хотя бы вера не убавилась. Должно быть, Преподобный сожалел над несчастным отцом, и когда тот ушел за нужными вещами для погребения, встал на молитву о даровании жизни отроку, и тот ожил.

Когда же убитый горем отец возвратился, неся с собою все нужное, Преподобный встретил его словами:

«Напрасно ты, не рассмотрев, так смутился духом, отрок же твой не умер».

Увидя воскресенного сына, счастливый отец в исступлении радости упал к ногам Сергия, со слезами благодаря его за совершенное чудо. Но Преподобный стал убеждать его, что никакого чуда не было:

«Прельщаешься, — говорил чудотворец, — и не знаешь сам, за что благодаришь. Когда ты нес больного, он изнемог от сильной стужи, тебе же пока-

залось, что он умер, ныне же согрелся у меня в келии, и припадок прошел. Но иди с миром домой и не разглашай никому о случившемся, чтобы тебе вовсе не лишиться сына».

Происшествие это лишь много позднее стало известным от келейника Преподобного. Епифаний и приводит его рассказ. Тот же келейник рассказывает еще два случая. Один с тяжело больным, который три недели не мог ни пить, ни есть и вовсе лишился сна. Родные его, потеряв всякую надежду на выздоровление, понесли больного в Обитель к Сергию и положили к ногам его. Преподобный, помолвившись, окропил его св. водою, и тот погрузился в глубокий и длительный сон. Проснувшись, он почувствовал себя совершенно здоровым и в первый раз вкусил пищу, которую предложил ему Преподобный.

Другой случай с бесноватым, знатным вельможею, жившим на берегах Волги, который, будучи связан, разрывал железные узы и скрывался от людей, живя среди диких зверей, пока его не находили домашние. И так как слава о святом чудотворце достигла и тех мест, то домашние решили привести его к Преподобному.

Вельможу повезли насильно, ибо он и слышать не хотел о Сергии. Когда же его довели до Обители, он в ярости разбил свои узы, и вопли его были слышны внутри монастырской ограды. Когда Сергию сказали о том, он приказал всем собраться в церковь и служить молебствие о болящем. Тогда бесноватый стал понемногу успокаиваться, и его могли подвести к церкви. Преподобный вышел к

нему с крестом, и лишь только он осенил его и окропил святой водою, как больной с диким воплем «Горю, горю!» бросился в большую, накопившуюся от дождя лужу, но внезапно утих и стал совершенно здрав. Впоследствии он рассказывал, что когда Преподобный хотел осенить его Крестом, он увидел нестерпимый пламень, исходивший от Креста, который и охватил его всего, потому он и бросился в воду, чтобы не сгореть. Несколько дней провел он в Обители и вернулся к себе с глубокою благодарностью к Святому. Конечно, такие исцеления и чудеса широко разносились по окрестностям, и в Обитель, к Преподобному, притекали со всех мест люди разного положения, от князей и бояр до простых и самых нищих.

Всеобщее признание и почитание ни в чем не изменили его, ни его уклада жизни, ни обращения с людьми; он с равною внимательностью и любовью обращался как с князьями, обогащавшими его Обитель, так и с бедняками, питавшимися от монастыря. Всегда оставался простым и кротким наставником, но в редких случаях являлся и суровым судьей. Так житие приводит два случая, когда Преподобный явился обличителем.

Один человек обидел бедного соседа своего, отобрал у него откормленного борова и не заплатил договоренной платы. Потерпевший прибегнул к защите Преподобного. Сергей вызвал обидчика и долго усовещивал его. Обидчик обещал тотчас же заплатить, но, возвратясь домой, вновь пожалел денег и не исполнил своего обещания. Когда же он вошел в клеть, где лежал зарезанный им боров,

он увидел, что вся туша изъедена червями, несмотря на зимнее время. Испугался богатей и в ту же минуту понес деньги сироте, мясо же выбросил на съедение псам.

Другой рассказ о внезапной слепоте епископа Константинопольского, который хотя и много слышал о чудесах игумена Сергия, но не придавал этим слухам надлежащей веры. Случилось этому епископу быть в Москве, по делам церкви, и он решил проверить сам эти слухи и посмотреть на него в Обители. Обуреваемый сомнением и чувством самопревозношения, он говорил: «Может ли быть, чтобы в сих странах воссиял такой светильник, которому подивились бы и древние Отцы?» В таком настроении ума епископ прибыл в Троицкую Обитель, но уже приближаясь к Обители, он стал ощущать некий непреодолимый страх, и когда вошел в монастырь и увидел Сергия, внезапно был поражен слепотою. Преподобный должен был взять его за руку, чтобы провести в келию свою. Пораженный епископ исповедал Преподобному свое неверие и сомнение свое, и недобрые о нем мысли, и просил его об исцелении. Преподобный с молитвою прикоснулся к глазам его, и тот прозрел.

Конечно, случаев таких было множество. Несомненно, многие и забылись, ибо сам Преподобный умалчивал о них и другим запрещал разглашать. И жизнеописатель мог привести лишь наиболее запомнившиеся.

Преподобный был также первым духовником братии. Конечно, исповедь эта много способство-

вала тому внутреннему общению, которое так спаивало его с братией. Наблюдение и любовь к людям дали ему подход к каждой душе и умение извлекать из нее лучшие чувства, что сильно облегчало задачу духовного водительства. Духовное прозрение в истинную сущность учеников руководило им и в определении меры послушания по силам и способностям каждого, ни в чем не насилуя, но всячески охраняя личные свойства их.

Указывается, что он строго наблюдал за исполнением правил общежития как со стороны старших, так и со стороны младших иноков. От старших требовал быть милостивыми и не гневливыми, младшей же братии заповедал исполнять в точности предписанные правила и требования старших. Иерархическое начало в полной мере проводилось в его Обители, но нигде не указано на насилие над индивидуальностью учеников. Так, когда он очень желал поставить игуменом в основанном им Киржачском монастыре ученика своего Исаакия, но тот предпочел подвиг молчания, он не настаивал. Прекрасно сказано у Ключевского: «По последующей самостоятельной деятельности учеников Преподобного Сергия видно, что под его воспитательным руководством лица не обезличивались, каждый оставался сам собою и, становясь на свое место, входил в состав сложного и стройного целого, как в мозаической иконе различные по величине и цвету камешки укладываются под руку мастера в гармоническое, выразительное изображение».

Многократно отмечается жизнеописателем Епифанием, что слово Преподобного никогда никого не задевало, он говорил и действовал спокойно и более всего старался убедить, но иногда налагал епитимии. В высокой мере он обладал даром внушать уважение к себе и поддерживать в окружающих достойный и высокий дух, просто лишь обаянием своего облика.

Не произносил он и длинных проповедей, речь его отличалась краткостью и убедительностью. Часто говорил он притчами, пользуясь самыми простыми и обыденными образами и сравнениями, которые легко запоминались слушателями. Но прежде всего, Преподобный учил людей своим личным примером, применением учения в жизни каждого дня. Труд в его учении играл огромную, первенствующую роль. Он знал пламенную меру труда, потому непрерывный труд ставился им как условие и средство духовного достижения. Сердцем он прозревал, что труд во имя Светлой Иерархии, во имя ближнего преобразуется в качество свое. Так труд был возведен им в священное понятие, неотделимое от духовного самоусовершенствования.

Итак, в лице Сергия-игумена мы имеем образ истинного Вождя, входящего как во внутреннюю, так и во внешнюю жизнь доверившихся ему. Он мог быть снисходительным, но нигде не видно попустительства. Есть свидетельство, что, при всей своей мягкости, он бывал суров на исповеди. Именно, присущая ему великая справедливость покоряла ему все сердца.

Н.К.Рерих. Сергей-Строитель. 1924

Смирение, которое так часто упоминается в связи с обликом Преподобного, имеет совершенно другое значение, нежели в современном смысле слова. Преподобный был, прежде всего, строителем, строитель же не может быть смиренником, ибо он знает ответственность. Многие черты древних событий преломляются совершенно иначе для нас, прежде всего по причине разного понимания слов. Смирение его было самоотречением, но не самоуничижением, ибо иначе разве мог он явиться духовным наставником столь выдающейся паствы и создать такую мощную духовную твердыню? Разве мог бы он принять ответственность перед всем народом, благословив воинство на страшный бой с вековым врагом Земли Русской? Он знал силу духа своего, он знал Волю Сил Высших. Мерилом величия духа всегда будет, сознательно принятая, тяжесть ответственности. И, как мы видим, Преподобный знал эту меру и принял полную чашу.

Также и в труженичестве Сергия на братию, «яко раб купленный», в то время, когда в Обители его порядок был еще особножитный, многие склонны видеть и даже сугубо подчеркивать выявление какого-то особого смирения. Но не справедливее ли видеть в этом действии, помимо священного, воспитательного значения труда, пример великого сотрудничества. Мудрый Сергей Строитель понимал, что без сотрудничества не только ничего нельзя построить, но ничто и жить не может, и потому своим личным примером хотел запечатлеть в сознании учеников и проходящих к нему великое

значение сотрудничества как в большом, так и в малом. Подтверждением этому служит введенный им впоследствии в Обители порядок общежитный, при котором каждый трудился не для себя только, но прежде всего для общей пользы. Так было заложено Преподобным начало понимания сотрудничества. Порядок этот был введен им не только в Троицкой Обители, но и во всех других, учрежденных им самим или его учениками.

Можно сказать, что подвижническая жизнь Сергия, своим личным примером введя в жизнь высокое, нравственное учение, отметила Новую Эру в жизни Земли Русской. Благодаря широкому установлению им и учениками его новых обителей, школ суровой подвижнической жизни, сильно поднялась нравственность народа. Возникшие вокруг таких монастырей-школ целые селения и посады постоянно имели перед собою неповторяемую школу высокого самоотречения и бескорыстного служения ближнему. Разве могла быть одержана победа над страшным врагом, если бы дух народа не был напитан огненной благодатью, исходившей во всей ее неисчерпаемости от его великого Наставника и Заступника?

С притоком некоторых средств, в особенности же с возрастающим числом братии, в жизнь Обители проник и известный элемент разъединения, ибо братия состояла из людей весьма различных по возрасту, состоянию, сословию и по духовному укладу. Мы уже видели, как стоило задержаться во-зу с хлебом, и братия, избранная и возлюбленная, не верит ни на час. Трудно стало и на реку ходить, и понадобилось сотворение чуда открытия источника. Многим нужна не Благодать, но благоденствие тела. Так, когда Обитель перестала нуждаться, не замедлил вернуться и брат Стефан.

Но еще больше разногласия возникло, когда Преподобный Сергей, непрестанно заботясь о внутреннем и духовном преуспевании своей паствы, решил ввести в своей Обители общежитие. Вначале устав жития в Троицкой Обители на Маковце был особножитным, то есть каждый монах имел свою келию, сам одевал себя и готовил себе пищу, имел даже некоторую собственность в келии, подчиняясь лишь общему для всех игуменскому надзору в делах духовных. Но с ростом монастыря и братии такое положение становилось затруднительным, разность в положении братии порождала зависть и неурядицы. Преподобный увидел себя вынужденным учредить более строгий порядок, приближавшийся к первохристианским

общинам, — все равны и ни у кого нет ничего своего, вся жизнь общинная.

Чтобы придать своему начинанию больше твердости и авторитета, Преподобный, поддерживаемый Митрополитом Алексием, получил от Константинопольского Патриарха Филофея грамоту и благословение на введение в монастыре «общежития».

В житии мы находим рассказ о видении, предсказавшем Сергию будущий рост и процветание его Обители. По-видимому, это видение относится ко времени, когда Преподобный был обеспокоен мыслями о переустройстве монастырского быта, к введению общежития.

Однажды в глухую ночь Преподобный, в великой заботе о духовных чадах своих, бодрствовал на молитве и услышал голос, звавший его: «Сергие!»

Удивился Преподобный необычному зову во ночи, открыл оконце келии и увидел видение дивное. Свет лучезарный как бы струился с неба, и столь блистающ был этот Свет, что яркостью превосходил свет дневной.

И снова голос произнес: «Сергие! Ты молишься о чадах своих, Господь услышал моления твои».

При этом Преподобный увидел множество птиц, «зело прекрасных», прилетевших не только в монастырь, но и вокруг монастыря, и таинственный голос продолжал:

«Смотри и виждь множество иноков, сшедшихся в паству, тобою направляемую. Так умножится стадо учеников твоих и по тебе не оскудеют, аще восхотят стопам твоим последовати».

Сергий, исполненный великой радости духовной, поспешил позвать архимандрита Симона, жившего с ним рядом, который еще застал конец видения — чудный Свет Небесный.

Несомненно, это видение еще более укрепило его в задуманном им переустройстве монастырского быта. Введение общежития потребовало расширения и постройки новых зданий, как-то: общей трапезы, поварни, пекарни, кладовых, амбаров, и учреждения между братией целого ряда хозяйственных и церковно-общественных должностей, что и было осуществлено Преподобным (в 1354 г.), несмотря на недовольство части братии. «Тако разрядиша братию по службам: ового келаря, ового подкеларника, ового казначея, ового уставщика, овых трапезников, иных же поваров, других же хлебников, иных же больным служити; и все богатство и имение монастырское обще сотвориша и никому же ничто же свое держати, ниже своим звати, но вся обща имети. Елицы же тако не возхотеша, стай изыдоша из монастыря, и оттоле уставися общее житие в монастыре святого Сергия, иже в Радонежи, во славу Пресвятыя Троицы».

Конечно, такое нововведение расширяло и усложняло деятельность Преподобного. Теперь он являлся ответственным за весь быт монастыря. Частная собственность была строго воспрещена, что и вызвало главное недовольство среди братии. Все способные должны были трудиться, и, как мы знаем, Преподобный продолжал подавать пример, исполняя, несмотря на свой высокий сан, самую тяжелую работу, при этом всячески поощряя в братии

насаждения духовно-просветительных искусств, как иконопись и списывание книг и расцветение их узорами и заставками в красках и золотом. Так племянник Сергия, Феодор, постриженный еще в юности, овладел искусством иконописания и перенес его в Андрониев монастырь, в Москву, где жил и знаменитый Андрей Рублев.

Феодор, племянник Преподобного, был поставлен им впоследствии игуменом Симоновского монастыря. Существует рассказ, как Преподобный, бывая у своего «братанича», к немалому его и всей братии удивлению, прежде всего заходил в хлебню и беседовал часами «о пользе душевной» с юродствующим послушником Кириллом. Впоследствии Кирилл этот был известен своей подвижнической жизнью и основал знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь. Трудно было усмотреть в юродствующем тогда иноке задатки к великому духовному строительству, но духовному прозрению Преподобного открыты были тайники души человеческой.

Не преминул Преподобный учредить и странноприимный дом. Все избытки монастырские, по уставу его, шли на питание и подавание просящим. Есть указание, что первая богадельня в Обители возникла при Сергии, и, во всяком случае, он первый положил начало монастырской благотворительности.

Преподобный Сергей еще с детства был приучен почитать и помогать странникам-богоискателям и свято хранил память о посещении чудесного Старца, предрекшего ему путь его. Потому и

учреждение странноприимного дома он считал столь важным, что подкрепил его особым предречением:

«Если сию заповедь мою соблюдете без роптания, то и по отхождении моем от жития сего, Обитель весьма распространится и будет в ней всякое изобилие и на многие лета неразрушима постоит благодатию Христовою». Как красноречиво выражается Елифаный: «Рука Сергиева была простерта, яко река многоводная, тихая струями».

Если кому случалось в зимнюю стужу быть задержанным в пути метелью и глубокими снегами, то в Обители он находил пристанище и получал все необходимое; «странные же и нищие и болящие многие дни в ней отдыхали в полном довольствии и успокоении». Так уединенная Обитель Сергиева выдвинулась из дремучих лесов на распутье стезей человеческих, и близ нее пролегла большая дорога от Москвы на северные города. Князья, воеводы и воинства их, неоднократно, проходя мимо гостеприимных врат Обители, заходили и всегда были принимаемы с честью и отпускаемы с обильною пищею. Сергей веровал, что рука дающего не оскудеет, и, действительно, слава о чудесах и великом духовном Наставнике широко разошлась за пределы Московского княжества, принося с собою и новые средства для широкого благого строительства. Народ обрел в Преподобном отца, наставника, судью справедливого, целителя как духовных, так и телесных немощей своих, и заступника перед всякого рода утеснителями. Истинно, никто более него не подходил под

характеристику Святого древней Руси — «Земной Ангел и Небесный Человек».

Можно было бы думать, что Троицкая Обитель под управлением уже столь прославленного, благодатного и возлюбленного игумена будет крепка и едина духом, и безопасна от всяких внутренних потрясений, но вот случилось происшествие, которое едва не лишило Обитель ее Благодатного Покрова и не нарушило само основание ее. Возможно, что причиной этого опять-таки явилось недовольство, таившееся среди братии из-за введения общежития. В жизнеописании нет на это определенных указаний, но связано оно со Стефаном, братом Преподобного.

В один субботний день сам Преподобный служил и был в алтаре, Стефан же, брат его, стоял на клиросе. И вот Преподобный слышит голос брата, резко выговаривающий канонарху за какой-то, по его мнению, непорядок в чинопоследовании. На ответ, что так правят службу по указанию самого игумена, Стефан запальчиво, в раздражении произнес:

«Какой он игумен! Не я ли старше его? Не я ли основал место сие?» При этом произнес он и другие немирные слова, которые тоже услышал Преподобный, «и ина некая изрек, их же не лепо бе».

Дослужив всенощную, Преподобный и виду не подал, что слышал, но в ту же ночь оставил монастырь. Трудно сказать, какая именно мысль побудила его, по окончании вечерни, тайно удалиться из монастыря. Игуменство с самого начала не привлекало его и скорее тяготило, но, зная всю ясность,

все спокойствие и долготерпение его, невозможно предположить, чтобы поступок брата так повлиял на него, что он оставил Обитель, чуть не собственноручно выстроенную им. Несомненно, более глубокие причины заставили его принять столь острое решение.

Он чувствовал, что тут не один Стефан, но многие среди братии недовольны за введение общежития, за многие суровые правила жизни, и решил не разжигать страстей и предоставить иноков их совести. Вероятно, Высшее Водительство, всегда направлявшее его, и здесь подсказало ему это решение, ибо этим поступком он, с одной стороны, показал пример великого самоотречения, нежелание служить причиной раздора и явить хотя бы намек на придержание к власти, с другой же — как бы налагал новое испытание на свою духовную паству, чтобы тем ярче выявить негодных и отобрать лучший элемент, а также заложить еще один духовный очаг.

Итак, глухую ночью вышел он одинокий из столь любимой им Обители искать нового подвига, нового строительства. И наутро, усталый и запыленный, он у врат Махрицкого монастыря, основателем и настоятелем которого был его друг Стефан. Узнав о прибытии Преподобного Сергия, Стефан велел ударить в «било» и со всею братией спешит ему навстречу. Поклонясь друг другу до земли, ни один не хочет подыматься первым. Наконец, Сергию, как пришедшему, пришлось уступить и благословить Стефана. После продолжительной беседы любви Сергий рассказал ему о

происшедшем в его Обители и просил его дать ему проводника для отыскания места для основания нового пустынного жития.

Обойдя многие пустынные места, Преподобный нашел подходящее место на реке Киржач. Там Преподобный и поселился и заложил основание храма во имя Благовещения Пречистой Богоматери. Но недолго оставался он в одиночестве. После его ухода произошло смятение в Обители. Большинство было глубоко огорчено. Наступившее тягостное настроение и безначалие тотчас же после ухода Преподобного настолько потрясло дух подвижников, что некоторые из них стали удаляться в другие монастыри, а наиболее преданные решились искать Преподобного. Долго странствовали они по необитаемым лесам Владимирской губернии без всякого успеха. Пока, наконец, некоторым из них, шедшим мимо Махрищского монастыря, удалось узнать от братии монастыря о пребывании своего Наставника. В великой радости одни из них немедленно ушли к Сергию на Киржач, другие же поспешили в свою Обитель оповестить скорбевшую братию, и пришли позднее. Преподобный по-прежнему с любовью принимал их и вновь строил им келии.

Он, всю свою жизнь искавший уединения, никогда не мог остаться один; чудесный Огонь, горевший в нем, привлекал к нему хотя бы раз увидевших его. Всю свою жизнь он отказывался от власти, никогда никого ни в чем не приневоливал, и более всего любил богомыслие и труд, а люди жаждали его слова, его наставления. Также никогда

ни от кого не ждал он помощи. Для него вся помощь была в нем самом и в Ведущей его Благодати. И может быть, нигде так ярко не сказалась эта черта «неоскудения духовного», как в его уходе на новое заложение и строение еще одной духовной твердыни.

Когда разнеслась весть, что Преподобный основывает новую Обитель, много подражателей пришло к нему, монахов и мирских. Князья и бояре дали денежные пособия на устройство нового монастыря. При таком содействии работы по устройству нового общежития и церкви быстро подвигались.

Тем временем старцы, оставшиеся в покинутой Обители, видя, что их великая Обитель с каждым днем пустеет, решили отправиться к митрополиту Алексию с просьбою о воздействии на Преподобного. Святитель обещал им возратить их игумена и немедленно послал к Сергию двух архимандритов, Герасима и Павла, с посланием, исполненным искреннею любовью и признательностью ко всем подвижническим трудам Преподобного, и увещеванием вернуться в Обитель Пресвятой Троицы и утешить плачущую в разлуке братию. «Только не ослушайся нас, и милость Божия и наше благословение всегда пребудут с тобою».

И принял Сергей, не отверг просьбу братии и митрополита, и вернулся в любимую Обитель свою. Святитель Алексей, глубоко чтивший его, немедленно прислал к нему богатую утварь для нового храма, освященного во имя Благовещения, и вклады и дары для Обители Киржачской. Преподобный

назначил своим преемником в новоучрежденной Обители ученика своего Романа, и вместе с другими, пришедшими из великой Обители к нему на Киржач, поручил ему хранить правило общежития, сам же вернулся в свою Троицкую Обитель.

Епифаний трогательно описывает это возвращение: «Умилительно было видеть, как одни со слезами радости, другие со слезами раскаяния, ученики бросились к ногам Святого Старца: одни целовали ему руки, другие — ноги, третьи — самую одежду его; иные, как малые дети, забегали вперед, чтобы налюбоваться на своего желанного Авву, и крестились от радости; со всех сторон слышались восклицания: “Слава Тебе, Боже, обо всем Промышляющий! Слава Тебе, Господе, что сподобил Ты нас, осиротевших было, увидеть нашего Отца”». И Преподобный радовался духом, видя любовь и раскаяние чад своих, утвердившихся в опыте преданности и послушания. Так Преподобный, по своей величайшей кротости и чуждый всякого насилия, изгнавший себя из монастыря, дабы не встать на пути изгонявших его, возвратился в Обитель в новом обаянии своего облика, всеми желанного, всеми возлюбленного Отца и Заступника. Сергей победил и достиг высшего, оставаясь верным своему основному правилу, что не насилие, но свобода и любовь побеждают. После таких испытаний, после очищения Обители от негодного элемента, жизнь подвижников Троицкой Лавры потекла мирно.

Уже с половины жизни Облик Преподобного вошел в сознание народа русского, как всенародный Учитель, Заступник и Ободритель. Кто может исчислить, какое множество народа шло к нему со всеми своими нуждами, большими и малыми? Но слава о святости и мудрости Сергия распространилась по всей Руси и помимо воли выдвинула его и на поприще государственной деятельности.

К этому времени устанавливается и его великая дружба со Святителем Алексием, утвержденным в звании митрополита всея Руси. Святитель Алексей часто приезжал в Троицкую Обитель отдохнуть и посоветоваться с мудрым Старцем. Эти два великие подвижника, духовно соединенные узами любви и понимания, в полном единении работали на благо народа русского, всячески помогая духовному просвещению и строительству Земли Русской. Можно сказать, что они явились наследниками и продолжателями дела Св.Петра, первого Митрополита Московского, по собиранию и укреплению Московского Государства. Часты в то время были междоусобия среди князей, оспаривавших друг у друга ханский ярлык на великокняжество, и митрополит Алексей, неоднократно, возлагал на Преподобного труднейшие политические поручения словом и убеждением усмирить

распри удельных князей и привести их к признанию верховной власти Князя Московского. И настолько было велико обаяние личности Преподобного, что самые упорные смирились перед силою и мудростью его слов.

Также около этого времени совершается величайшее дело по распространению и насаждению новых обителей учениками Преподобного. По разным направлениям, широко наметились эти ячейки духовной культуры. Преподобный, кроме своей первоначальной Обители на Маковце, сам построил и Обитель Киржачскую. Кроме того, по поручению Великого Князя Дмитрия Иоанновича, основал два Дубенских монастыря, затем Московский Симонов монастырь и Голутвинский. Им же, по просьбе князя Владимира Андреевича Храброго, был заложен монастырь Высоцкий в Серпухове. Преподобный Сергей помогал и митрополиту Алексию в устройстве Московского Андроникова монастыря. Причем все места для Обителей Преподобный избирал сам лично, совершая все эти многоверстные передвижения пешком. Еще при жизни Преподобного ученики его были поставлены им игуменами в основанных им монастырях. Так, Блаженный Роман — первый игумен Киржачской Обители. Преподобный Андроник — настоятель Спасского монастыря на реке Язуе, из которого вышли знаменитые иконописцы Даниил Черный и Андрей Рублев. Блаженный Феодор и Павел, основатели Борисоглебского монастыря. Святой Феодор, племянник Преподобного, игумен Симоновского монастыря. Преподобный Мефо-

дий Яхромский, основатель Свято-Никольского Пешношского монастыря. Преподобный Афанасий, первый игумен Серпуховского Высоцкого монастыря. Преподобный Авраамий, устроитель Обители на Галицком озере, построивший потом еще три монастыря в Чудской земле. Никон Радонежский, которого Сергей, за полгода до своей кончины, поставил своим преемником в Троицкой Обители.

Духовными советами Преподобного пользовались также подвижники Кирилл и Ферапонт, основатели знаменитой Кирилло-Белозерской Обители на Белом озере. Преподобный Савва, основатель монастыря Сторожевского. Преподобный Сильвестр Обнорский, игумен Воскресенского монастыря на Обноре. Преподобный Павел Комельский или Обнорский. Преподобный Сергей Нуромский и Преподобный Дмитрий Прилуцкий. Иаков, основатель Предтеченской Железноборской Обители. Ферапонт Можайский и пр... В общем ученики и «собеседники» Преподобного основали до 40 монастырей нового типа, ученики его учеников — еще около 60. Из Московской области введенное Святым Сергием монастырское общежитие распространилось на север — в обширную область Поморья, и на запад — в области Псковскую и Новгородскую.

Итак, по его почину пустынное житие широко распространилось в Московской Руси. В XV и XVI веках все леса северной Руси населились пустынножителями, духовными чадами и подражателями Преподобного. Около этих уединенных хижин

быстро выростали новые и новые обители. В XV веке в одной Московской Руси было основано до 57 пустынных монастырей. Велико было историческое значение монастырей в деле строительства Российского Государства, ибо, по завету Преподобного, они основывались в местах пустынных и диких и, конечно, привлекали к себе население, которому было удобнее и духовно радостнее и прочнее жить при них. Таким образом, они явились истинными рассадниками жизни и просвещения, своего рода колонизаторами; они развивали земледелие, строительство, насаждали ремесла и на культуре духа закладывали основу государственности.

Итак, Святой Сергий явился отцом северного русского монашества, основоположником Святой Руси и также предтечею будущих старцев. Но, помимо того, велико было его значение и в общегосударственной жизни народа. Мы видели, как неоднократно он улаживал распри между князьями, грозившие неисчислимыми бедствиями молодому государству. Он же скрепил своею подписью закон о престолонаследии от отца к сыну, положивший конец междоусобным соискательствам, раздиравшим Землю Русскую. Но апофеозом деятельности Преподобного было его историческое благословение на страшную битву Великого Князя Дмитрия. Он знал, какое следствие будет иметь его слово, и принял на себя эту ответственность. И следствием этого вдохновения и ободрения была великая победа над вековыми утеснителями. Победа эта явилась поворотным пунктом в истории

молодого Московского Государства; несмотря на еще угрожавшее нападение врагов, все же она настолько укрепила веру народа в свои силы, настолько подняла дух его, что Московское Государство смогло укрепиться, чтобы с течением времени развиться в Великую Державу Всероссийскую.

Около 1377 г. Митрополит Алексей, чувствовавший себя уже стареющим и слабым и давно лелеявший мысль оставить после себя преемника Преподобного Сергия, решил воспользоваться обычаем, установившимся у русских Митрополитов, еще при жизни назначать себе преемника. По вызову Митрополита Преподобный явился к нему, и посреди дружественной, духовной беседы Алексей приказал принести золотой «парамандный» крест митрополичий, с драгоценными камнями, и подал его Преподобному. Но Святой просто ответил:

«Прости мне, Владыко, от юности я не был златоносцем и в старости подобает мне быть в нищете».

«Знаю, что таково было всегда твое житие, — ответил Митрополит, — но теперь яви послушание и прими от меня дар сей в благословение». И сам возложил на Преподобного крест. При этом он сообщил ему о возможном назначении Киприана в Митрополиты и выразил ему все свои опасения и сомнения в этом человеке, тогда как Преподобного он настолько знает, что с великою радостью назначает его своим преемником. И снова просил его не отказываться, указывая и на то, что назначение его будет всеми радостно принято, ибо таково желание от Великого Князя до простых людей. Но Сергий оставался непреклонен:

«Прости мне, Владыко, — говорил он, — ты хочешь возложить на меня бремя выше меры, но ты не найдешь во мне того, что ищешь. И если не хочешь ты отогнать моей нищеты от слышания твоей святыни, не говори более о том».

Алексий понял, и не настаивал более. Знал он твердую волю своего друга. Преподобный мог делать лишь то, к чему был призван, лишь водительству внутреннему верил он. И здесь он сумел убедить Святителя, что и для церкви лучше, если он будет продолжать свое дело.

И в этом случае Преподобный выказал себя прозорливцем. Внутренний голос, или, вернее, Силы Высшие, водившие им, не предназначали его к этой деятельности. Вскоре после этого, 12 февраля 1378 г., на 85-м году жизни умер Святитель Алексий, и тотчас же началась десятилетняя борьба за митрополичью кафедру. Печальная страница это была в истории церкви.

Соперники, оспаривавшие друг у друга кафедру, были Архимандрит Михаил, почему-то прозванный Митяем и бывший духовником Великого Князя, также епископ Дионисий и Киприан, но самым сильным был Михаил. Все эти соперники наперерыв старались заручиться благословением Святого Сергия — столь велик был его авторитет. Михаил, не добившись его, простер свою дерзость до того, что стал угрожать самому игумену Троицкой Обители за его якобы неодобрение в снискании им власти, и грозил разрушить монастырь. Но Св. Сергий только говорил братии:

«Митяй негодует на нас и замышляет недоброе против нас, но не увидит он Константинополя, не увидит посему и сана митрополита».

Пророчество Преподобного исполнилось. Архимандрит Михаил, отправленный Великим Князем в Константинополь, чтобы принять жезл Митрополита, скоропостижно скончался в пути. После этого Митрополит Киприан в 1381 году был вызван из Киева в Москву.

Велика была утрата в лице Святителя Алексия для молодого, еще неокрепшего государства. Но великий князь Дмитрий, лишившись в Святителе Алéксии своего заступника и главного советника, нашел его в Преподобном. Нравственное влияние Преподобного на князя Дмитрия было велико. Теперь мы подходим к самому ответственному и героическому времени в жизни Преподобного, к благословению им русского воинства на великую Куликовскую битву.

Сделаем краткий исторический обзор того времени. Уже около двух веков Русь томилась под игом татар. Князья то и дело путешествовали в Золотую Орду с подарками и данью к ханам. Не имея единодушия между собою, князья и не помышляли свергнуть иго, столь тяжкое для Руси. Наоборот, они даже, во взаимной вражде за великокняжеский ярлык, не раз сами приглашали на помощь себе татар. Много кровавых страниц хранит история этого периода русской истории. Но, наконец, Московским князьям, поддержанным церковью, удалось сосредоточить великокняжескую власть в своих руках и начать великое дело собирания и строительства Русского Государства. Первым митрополитом, перенесшим свою Митрополию в Москву и тем закрепившим значение Москвы для всей Руси, был Петр. Его выдающийся

ум прозревал в будущее, и ему удалось даже завоевать уважение ханов к Русской Церкви. По преданию, он предсказал величие Москвы, хотя сам и жил еще во время могущества Орды. Преемник его Алексей уже видел зарницы этого величия, Сергию же выпала величайшая историческая миссия нравственно поддержать и благословить великого князя Дмитрия на первое поражение татар.

Когда в 1375 году Дмитрий двинулся на Михаила Тверского, своего главного внутреннего противника, происками исхлопотавшего себе от Золотой Орды великокняжеский ярлык, то его уже поддерживало большинство князей, и ему удалось разбить Михаила и принудить его к отказу от всех притязаний. Дмитрий уже не так считался с Ордою. Новый дух — сознание единства — соединял князей, изменилось и сознание народа; видя единение среди своих вождей, народ окреп духом, страх перед врагом стал утихать, и явилось сознание своего права и достоинства.

В Золотой Орде в это время ханом был Мамай, и, конечно, он не мог отнестись спокойно к выказанному пренебрежению его указу и к растущей самостоятельности Дмитрия, и он начал посылать новые карательные отряды на Русь.

В 1377 году татары неожиданным набегом разграбили Нижний, и в 1378 году была выслана новая рать под водительством мурзы Бегича, но Дмитрий обходом и стремительным натиском нанес первое поражение татарам на реке Воже. Событие это сильно подняло дух народа русского.

С этого времени Мамай решил похоронить всякую память о России под развалинами и пеплом. Он собрал всю Волжскую Орду, стоворился с Литовским князем Ягелло и русским князем Олегом Рязанским, и летом в 1380 г. поставил свою ставку при устье реки Воронежа. Время для Руси настало грозное. Митрополит Алексей уже умер, нового митрополита еще не было, ибо в церкви происходили смуты соискательства. И тут выступил во всей силе своего обаяния Преподобный Сергей. Кто же другой мог поднять весь народ и вдохнуть такую несокрушимую веру в правоту дела, следовательно и в победу? Самый мирный Подвижник, чуждый всякому насилию, без колебания благословляет князя и воинство его на подвиг за правое дело, за народ, за Русь.

18-го августа Дмитрий со многими князьями и воеводами едет в Обитель за последним благословением Преподобного перед страшным боем. Можно себе представить, сколь сурово и торжественно было это молебствие и напутствие! Князь спешит к своим храбрым сподвижникам, ибо гонцы, один за другим, приносили вести о передвижении врага, но Преподобный просит, чтобы он отслушал Божественную Литургию и остался к трапезе:

«Обед сей тебе, Государь, будет на пользу». И среди трапезы Преподобный исполнился пророческого духа и воскликнул: «Господь Бог тебе помощник. Еще не пришло время тебе самому носить венец сей победы с вечным сном, прочим же многим сотрудникам твоим плетутся венцы мученические с вечною памятью». После трапезы,

осенив крестом и святою водой князя и воевод, Преподобный Сергей, может быть желая еще раз утвердить в мыслях всех присутствовавших правоту подвига их и что иного выхода не остается, обращается к князю со словами: «Подобает тебе, Господине, заботиться о стаде, порученном Богом, и выступить против безбожных», и затем вопрошает: «Все ли ты сделал, все ли меры использовал, чтобы предотвратить страшную битву?» И князь ответил, что он все сделал, но безуспешно.

«Если так, — сказал Сергей, — то врага ждет конечное погубление, а тебя помощь и слава от Господа».

Князь, в глубоком душевном волнении, внимал словам Преподобного и припал к ногам его для последнего благословения. Осенив его еще раз крестом, Преподобный тихо сказал ему: «Иде же, Господине, небоязненно. Господь поможет тебе на безбожных врагов, ты победишь враги твоя!»

Окрыленный и обнадеженный словами Преподобного, Дмитрий спешит к воинству своему. Преподобный же, проводив князя, почти безвыходно пребывал со своею братией в церкви, посылая всю силу духа своего на помощь великому делу. Находясь в великом духовном подъеме, Преподобный в прозрении увидел необходимость еще раз укрепить мужество воинства и решил послать великому князю с собственноручной грамотой двух иноков, подвизавшихся в числе братии, Александра Пересвета (бывшего боярина Брянского) и Андрея Ослябю (боярина Любецкого), мужество которых и искусство воинское было еще у всех в памяти; за

необыкновенную силу они прослыли богатырями. Этих-то иноков Сергей и избрал помощниками князю, чтобы они своим мужеством, как всецело отдавшие себя Богу, послужили примером его воинству. И как бы прозревая их близкую кончину, Преподобный облек их в великую схиму. И, вручая им для передачи князю грамоту, оканчивавшуюся словами: «Чтобы ты, Господине, так и шел вперед, а поможет ти Бог и Святая Богородица», сказал: «...Мир вам, возлюбленные о Христе братие! Мужайтесь... пришло время ваша купли».

Тем временем Дмитрий с воинством подошел к Дону, и воеводы заколебались — переходить ли им Дон, ибо в случае отступления путь будет отрезан. Потому можно себе представить, какое впечатление произвела весть о прибытии таких необычных посланцев с грамотой Преподобного, пророческой и указующей идти вперед. Великий Заступник Земли Русской как бы сам посетил и благословил на победу воинство русское. Посещение это в столь важную и решительную минуту повлияло на исход всей битвы. Теперь и самые слабые сердца запылали храбростью и жаждою подвига. Дмитрий, приняв личное начальство над воинством, смело повел свои полки на Куликово поле.

Наступил грозный день битвы (8 сентября 1380 г.). Приводим прекрасное описание приготовления к этому бою у Бориса Зайцева.

«8-ое сентября 1380 года! Хмурый рассвет, Дон и Непрядва, Куликово поле и дух Слова о Полку Игоре! Русь вышла снова в степь, меряться со зверем степи. Как все глубоко, напряженно и серьезно!

Перед сражением молятся. Читают “ратям” грамоту Преподобного. Над ставкой стяг великокняжеский, с золотым образом Спасителя. Осенние туманы, медленный рассвет, хладно-серебряный. Роса, утренний холод. За Непрядвой не то стоны, не то грохот дальний. Люди умываются, подтягивают у коней подпруги, надевают чистые рубахи, и в последний раз оружие свое отрагивают. Строятся. Идут на смерть...

К полудню показались и татары. Дмитрий выехал драться лично, “в первом суйме”, передовой стычке. Таков обычай. Ранен не был, но доспех помяли. Тут же, по преданию, на зов татарского богатыря выскакал Пересвет, давно готовый к смерти, и схватившись с Челибеем, поразив его, сам пал...

Началась общая битва, на громадном по тем временам фронте в десять верст. Сергей правильно сказал: “Многим плетутся венки мученические”. Их было сплетено не мало...»

Преподобный же в эти часы находился со всею братией в церкви, тело его было здесь, но духом он был там, где совершалась судьба России. Перед его духовными очами проходили все перипетии боя, он сообщал братии о ходе битвы, от времени до времени называя имена павших воинов, и тут же читал заупокойные молитвы за них. Наконец, он возвестил о совершенном поражении врагов и воздал со всею братией благодарение Богу.

Предсказание Преподобного Сергея исполнилось. По возвращении своем Дмитрий, уже во славе Донского героя, немедленно едет к Преподобному, чтобы вознести благодарение Господу

и принять благословение Сергия. Трогательна была встреча. Вновь служили молебствие, но и панихиды, потери были огромные.

Но велико было значение победы. Она еще больше подняла дух народа, и почитание Преподобного еще более возросло. Но не успела еще Русь окрепнуть от страшной Куликовской битвы, как уже нагрянул новый удар. Тохтамыш, разбив Мамаю и завладев его ханством в Золотой Орде, пошел на Русь и, пользуясь изменою Рязанского князя Олега, двинулся секретными дорогами на Москву. Дмитрий вынужден был бежать на север, в Кострому и Переяславль, собирать войско. Тем временем Кремль, оставшийся без князя, был предательски захвачен татарами. Тохтамыш, опустошив Москву и окрестности ее, разорил города Юрьев, Звенигород, Можайск, Боровск и др., но прослышав, что великий князь идет ему в тыл, не дойдя до Троицкой Обители, быстро удалился. Покров Сил Высших не допустил разгромления Святыни, прославленной подвигами Преподобного, и вражеские руки не коснулись священной Обители.

Страшны были татары, но еще страшнее и губительнее для Земли Русской были все еще продолжавшиеся раздоры между князьями. Как известно, некоторые из них, в своем противодействии укреплению Московского великого князя, вступали даже в союз с врагами — татарами и литовцами. Преподобный Сергий, вместе со Святителем Алексием и после него, всячески содействовал умиротворению таких раздоров и укреплению власти великого князя Московского. Так, в 1365

году он посетил Нижний Новгород и склонил князя Бориса Константиновича, захватившего этот город у своего брата князя Дмитрия, вернуть его и признать власть великого князя Московского. Так и в 1385 году великий князь обратился к Преподобному с просьбою уладить его отношения с грозным и неукротимым князем Олегом Рязанским, давнишним врагом Москвы и союзником Мамай и Ольгерда. Вся жизнь этого вероломного князя прошла в интригах и походах, и не раз способствовал он и ханским нашествиям на Землю Русскую. Многих послов посылал Дмитрий к Олегу, но высокомерный князь никого не хотел слушать. Тогда великий князь обратился к Преподобному. И вот Сергей, уже 70-летний старец, идет в Рязань, чтобы утвердить прочный мир между князьями. Чудный Старец долго беседовал с суровым князем и своим огненным духом и словами сердца привел его в такое умиление, что уговорил заключить вечный союз с великим князем Дмитрием.

Искреннюю любовь и уважение питал к Преподобному сам великий князь Дмитрий и во всех трудных вопросах обращался к нему за советом, нередко и сам навещал его. Преподобный был восприемником детей его, и даже духовная князя скреплена подписью Преподобного. В этой духовной навсегда был установлен порядок престолонаследия от отца к сыну; таким порядком был положен еще один камень основания Великого Русского Государства. Преподобный Сергей присутствовал и при кончине великого князя Дмитрия в 1389 году.

Во второй половине XIV века с православного Востока стало проникать в мир славянский учение Григория Синаита, так называемое «умное делание», конечная цель которого состояла в установлении постоянного памятования или, вернее, через памятование введение в сердце непрерывного общения с Силами Высшими, для чего давались многие предписания и даже чисто механические приемы этого умственного достижения. Нигде не находим указаний, чтобы Преподобный применял это «умное делание» в своем учении, вернее предположить, что он даже запрещал его. Ибо на личном опыте он знал, что постоянное общение с Иерархией Света достигалось, прежде всего и проще всего, путем раскрытия сердца. Раскрытие же сердца не требовало затраты времени ни на какие упражнения исключительно для себя. Среди сознательного и священного труда во имя Светлой Иерархии совершалось это любовное раскрытие, и в сердце устанавливался постоянный престол во имя Высшего. В познании сердца, этого великого и единственного двигателя и мерила духовности, Преподобный опередил многих духовных путников. Именно он нашел силу этого источника и через него приобщился к Миру Огненному; об этом ярко свидетельствуют его пламенные видения.

Приводим их, как они описаны в жизнеописании. Исаакий, ученик Преподобного, которого он желал видеть игуменом монастыря на Киржаче, просил его благословить на подвиг молчания. Сергей, не желая насиловать, уступил просьбам своего любимого ученика. В условленный день, после совершения литургии, выйдя из Северных врат, он обратился к стоящему около них Исаакию и осенил его в благословение на трудный подвиг крестным знаменем. И увидел Исаакий, что из Руки Преподобного «исходит пламень и объемлет его». Он стал молчальником; когда же ему хотелось говорить, перед духовными очами его вставал пламень руки Сергия и ограждал его от нарушения обета. Лишь об этом случае и еще в другом он вынужден был нарушить свое молчание.

Однажды литургию служили Сергей, брат его Стефан и племянник Феодор; Исаакий и Макарий стояли в церкви. Вот видит Исаакий в алтаре четвертого, чудного Образом, сослужащего им. На первом выходе с Евангелием, Он шел за Преподобным, и весь Облик Его так сиял, что Исаакий не мог смотреть на Него, и чудо это разрешило уста его, и он спросил рядом стоявшего Макария, который, казалось, тоже видел необычайное явление, не знает ли он, кто сей дивный Муж? «Не знаю, — ответил Макарий, — но меня объемлет страх, когда я взираю на Него».

По окончании литургии оба ученика обратились к Сергию, прося объяснить виденное ими. Сергей вышел из церкви, не промолвив ни слова, но когда вошел в келию свою, сказал им:

«Чада мои, если Господь уже открыл вам тайну сию, то и я не могу утаить от вас, что виденный вами был Ангел Господен, и не только теперь, но и всегда бывает такое посещение Божие мне, недостойному, во время совершения Божественной Литургии. Вы же сохраните сие в тайне до исхода моего».

В другое время Преподобный также служил литургию, и в алтаре стоял его ученик, Симон Экклесиарх, и тоже сподобился чудесного видения. Во время пения «Тебе поем» огонь спал, «как бы с неба, и ходил по престолу, объемля светом окрест весь алтарь» и окружая священнодействующего Сергия: При приобщении же им Св. Даров, свился божественный огонь и вошел внутрь потира. Так Преподобный причастился огня неопалимого. В трепетном безмолвии стоял его ученик. Но Сергей духом прозорливости понял, что ученик сподобился видения, и спросил его причину потрясшего его трепета. «Я видел благодать Святого Духа, действующую с тобою», — отвечал Симон. Но Сергей запретил ему возвещать кому-либо о виденном до дня его ухода.

Красиво отмечено это явление в книге Бориса Зайцева:

«Свет и Огонь! Легкий небесный пламень как бы родственен, дружен теперь с Преподобным. “Друг мой Свет”, “Друг мой Пламень”, — мог сказать пронизанный духовностью, наполовину вышедший из мира Сергей. И не удивит рассказ экклесиарха Симона, видевшего, как огонь небесный сошел на Св. Дары при освящении их Сергием,

“озарял алтарь, обвиваясь около трапезы и окружающая священнодействующего Сергия”».

Воистину, вся жизнь Преподобного могла быть выражена словами: «Ныне, Силы Небесные с нами невидимо служат».

Отмечены в жизнеописании случаи прозорливости Преподобного. Один из них связан с именем друга его Святителя Стефана Пермского. Чудо это записано за два года до смерти Преподобного. Спеша в столицу по делам церкви, Святитель Стефан, проезжая и находясь в десяти верстах от Троицкой Обители, и не имея времени навестить своего друга, велел остановить лошадей и, встав, поклонился в сторону Обители со словами: «Мир тебе, духовный брат!» Преподобный сидел в это время за трапезой с братией, и, духом прозревав такое приветствие, встал и, на глазах удивленной братии, отвесил низкий поклон и произнес:

«Радуйся и ты, Христов пастырь, мир Божий да пребывает с тобою».

Преподобный объяснил удивленным свидетелям, что он приветствовал епископа Стефана, который с пути послал им благословение. В воспоминание этого случая в Лавре до последнего времени сохранялся трогательный обычай: каждый день во время трапезной, по данному знаку, братия встает, и читается краткая молитва.

Можно сказать, что вся жизнь Преподобного была постоянным прозрением в далекое и близкое будущее. Только огненным напряжением и приобщением достигал он этого трудного качества. Преподобный знал это великое обострение

чувств. Все приходившие к нему находили неувыдаемую свежесть сердца. И не каким-то особым приемом, но простым открытием сердца достигал он этого постоянного обострения чувств, преобразовавшего каждодневность подвига в радостное и торжественное служение на благо ближнему.

К концу жизни Преподобному Сергию явлено было чудесное видение, неразрывно связанное впоследствии со многими его посмертными чудесами.

Несомненно, у Сергия было глубокое почитание Богоматери; тому свидетельствует и второй основанный им монастырь на Киржаче во имя Благовещения, также и его последние слова, обращенные к братии, в которых он вверял любимую паству и Обитель Покровительству и Заступничеству Пречистой. Но более всего, конечно, подтверждает это чудесное видение Пречистой на закате дней его. Это благодатное видение явилось как бы завершением всего пройденного им пути Огненного Служения и утвердило созданное им дело. Некоторые относят его к 1387 году, в одну из пятниц Рождественского поста. В эту незабвенную ночь для Троицкой Обители, когда вся братия спала мирным сном, Святой же Сергей горячо молился перед иконою Божьей Матери; совершив обычное свое правило, он сел немного отдохнуть. Тут же находился его келейник Михей. Внезапно Преподобный воспрянул и сказал ему:

«Чадо, трезвьись и бодрствуй, сейчас имеет быть нам чудесное посещение», — и едва произнес он, как услышан был голос: «Се Пречистая грядет».

Н.К.Рерих. Святой Сергий Радонежский. 1932

Святой Сергий поспешил в сени, и тут осенил его ослепительный свет, ярче солнечного, и он телесными глазами увидел Царицу Небесную с Апостолами Петром и Иоанном, блиставшими светом несказанным. Преподобный, не будучи в силах вынести объявшего его трепета, пал на землю. Пречистая прикоснулась к нему рукою и сказала:

«Не ужасайся, избранник мой. Услышана молитва твоя, не скорби больше об учениках твоих, и об Обители своей не скорби более. Ибо отныне она всем будет изобиловать, и при жизни твоей и по смерти твоей неотступна буду Я от Обители твоей». Сказав это, Пречистая стала невидима.

Преподобный, исполненный великого потрясения, пребывал как бы в исступлении ума. Придя в себя, он нашел Михея, лежащего запертво. Очнувшись, Михей стал спрашивать: «Отче, что значит это ужасное и чудное видение, ибо душа моя от ужаса едва не разрешилась от тела?» Но Преподобный и сам еще не мог говорить от великого трепета, охватившего его, и так стояли они друг против друга, в безмолвии и в удивлении. По истечении некоторого времени, придя окончательно в себя, Преподобный послал Михея позвать иноков Исаака и Симона, и передал им все подробности благодатного Посещения. После радостных духовных и сердечных восхищений было совершено молебствие, иноки разошлись по келиям. Но Преподобный всю ночь провел без сна, слишком полна была его душа восторгом неизреченным.

В 1388 г. Преподобный похоронил любимого ученика своего Исаакия Молчальника, а в 1392 г.

преставился и Михей, живший в одной келии со своим наставником и свидетель многих чудес, совершенных Сергием, и удостоенный, наконец, видения Небесной Зари и Света необычайного, окружавшего посетившую их Богоматерь.

После этого Посещения и той духовной высоты, которой достиг Преподобный, он уже не долго жил. За полгода до своей кончины Преподобный получил откровение о своем исходе. Призвав братию, он вручил управление Обителью своему ученику преподобному Никону, сам же удалился в келию, в полный затвор, пребывая в безмолвии.

25 сентября 1392 г. на 78-м году от рождения, приобщившись Святых Даров, принесенных в его келию, Св. Сергей благословил собравшуюся вокруг него братию, сказав:

«Вот я отхожу к Богу, меня призывающему, вас же предаю Господу и Его Матери.

Она да будет вам прибежищем и стеною крепкою от сетей вражеских». После чего мирно отошел.

По свидетельству братии, в момент преставления лик Преподобного озарился светом, и необыкновенное благоухание наполнило келию.

Прозрение народа в высокую духовную сущность Преподобного особенно ярко отразилось в преданиях, относящихся к его рождению и младенческому состоянию.

Так рассказывается, что мать его однажды была в храме, и во время пения Тропаря Пречистой Троицы младенец, находившийся в утробе ее, трижды взвырвался и вскричал. Также в младенчестве его, если матери случалось обремениться скоромной пищей, младенец с трудом брал сосцы, в постные же дни и вовсе отказывался принимать.

В таких преданиях народ, в своем сердечном прозрении, передавал в доступных ему образах ту истинную огненную сущность Преподобного Сергия, которая была недоступна грубым чувствам.

На предания и легенды нельзя смотреть как на выдумки и ложь, ибо именно в них выражен синтез видимого с невидимым — прозрение в тот Мир, где огненными знаками начертана истинная сущность духа человеческого. В легендах народ выявляет свои чаяния и достижения. Потому отнесемся внимательно ко всем свидетельствам глубокого непосредственного сердечного чувства.

Епифаний, жизнеописатель Преподобного Сергия, дал нам трогательный бытовой облик, сквозь который сияет свет незримый, но он бессилен, да и вообще кто может поведать о его внутренней духовной жизни, о ее таинственной глубине. Но все же личный, духовный и неповторяемый опыт Преподобного озаряется для нас его пламенными видениями, они, как огненные вехи, указывают нам пройденный им путь в Обитель Горнюю. Из самих слов, сказанных им свидетелям его огненных видений, можно видеть, что для него самого они были даже обычны. Значит, сколь высоко должно было быть его духовное преображение, чтобы выдерживать такие пламенные проявления общения с Обителью Огненной! Воистину, с Сергием «говорили Горние Силы на языке Огня и Света!» Воистину, он был избранником Высших!

Вся жизнь Преподобного от самого детства носит на себе печать этой избранности. Таинственный схимник, его пророческие слова, уже являются первыми вехами его предназначенного пути. Нам довелось слышать, в устной передаче, предание, живущее среди народа, что таинственный схимник передал отроку Варфоломею и чудесный камень с указанием зарыть его в определенном месте. Нигде не записано, где зарыт камень, но придет время, и будет указано это место. Так еще живо в народе

понимание той духовной силы, которая в течение многих столетий питала Землю Русскую.

Само избрание им места для пустынного жития, не было ли оно также предназначено Руководившими им Силами Горними? Не мог ли духом прозреть чудный юноша все великое значение этого места? И разве вся последующая жизнь его не есть планомерное раскрытие тайн духовных? И разве не приобщался он «пламени неопалённого»? Разве не сослужил ему Дух Пламенный? И не преступила ли Сама Пречистая порог сеней келии его? Все это, наряду с его великим самоотречением и приношением всего себя на служение ближним, с принятием на себя ответственности духовного водительства целого народа, страны, и огненным благословением напутствовавшего воинство в решительную битву, духовно с Силами Небесными приобщаясь к ней, делает его облик неповторенно прекрасным, сияющим Мощью Огненной Великого Вождя и Строителя.

Могут спросить — почему же Сергей не последовал за князем на битву? Неужели он не мог покинуть монастырь? Неужели он считал такую битву недостаточно значительной? Неужели он не желал руководить князем во время битвы?

Конечно, иные соображения остановили Преподобного в монастыре. Если битва была решающей, то и духовное руководство должно было быть чрезвычайным. Лишь на месте, у Престола Огненного, Сергей умножал свою силу. В такую минуту требовалась соединенная мощь Света, и Преподобный сердцем сослужил с Силами Невидимыми. Так воин Сергей избрал дозорную башню,

чтобы нести несменную стражу. Не могут силы возрастать в смятении битвы, но луч Света идет за воинами из Обители Огненной. Так нужно понимать мудро распределение сил.

Может быть, не сам Сергей остановил себя в монастыре. Может быть, он очень стремился с князем. Может быть, Сослужитель Огненный шепнул ему: «Останься здесь, где уже создан Престол Огненный». Не пребывал ли он все время битвы в непрестанном бдении, в духовном подъеме и прозрении всего хода битвы? Может быть, он направлял Легионы Небесные на осуществление Новой Зари?

Почему облик Преподобного так мощно запечатлелся в народном сознании?

Почему народ так возлюбил его и поставил превыше других Подвижников?

Народ инстинктивно чуял, что вся жизнь Преподобного была самоотверженным служением во благо ближних. Народ чуял, что в сердце его звучала боль мира, что он всего себя полагал на пользу мира и тем зажигал свое прозрение.

Ведь не мало мужества нужно было, чтобы утвердить государственные дела по своему внутреннему прозрению. Он знал, давая совет Великому Князю и благословляя его на великую решительную битву, какие последствия будут иметь его указания, и принял на себя ответственность. Принятие ответственности всегда почиталось как испытание Чаши. И Огненный Дух Преподобного знал, как нужна эта Чаша миру, и принял и вознес ее.

Каждое слово, каждое действие Преподобного носило на себе печать убедительности. Той убедит-

тельности, которая, даже поверх основной мудрости, покоряет себе. Когда каждый, в глубине существа своего, сознает, что так и должно быть и не может быть иначе. Конечно, и это качество, прежде всего, вытекало из Благодати общения с Хранителями Невидимыми, неизменно пребывавшей в сердце его.

Сергий — это живая связь с Миром Огненным!

Может быть, ничто так не приложимо к облику Преподобного, как определение Духотворца. Именно вся жизнь его была непрерывным духотворением. Народ чуял этот священный дар и стекался к нему со всех сторон, чтобы приобщиться и почерпнуть этой незримой и несказуемой мощи. Чем же иначе объяснить то живительное действие, то высоко ободряющее и возносящее влияние, то чувство духовной крепости, которое ощущали и уносили с собою все окружавшие и приходившие к нему?

Так, по преданию тех же безымянных странников, братия утверждала, что около Преподобного все оживало и даже злаки лучше росли. И не перечить тех, кто в видениях и во снах получали совет и помощь Преподобного в телесных и духовных нуждах своих. Днем и ночью дух его бодрствовал над возлюбленным народом.

Как Пламень неугасимый и неисчерпаемый, стоит он и сейчас на дозоре, сердцу и духовным очам доступный и зримый.

Множество светильников Земли Русской зажглось около Огня его, еще больше, может, предстоит... Неисповедимы пути духа...

Из статьи Николая Рериха «Душа народов».

«Как бы ни болело сердце русское, где бы ни искало оно решения правды, но Имя Святого Сергия Радонежского всегда останется тем прибежищем, на которое опирается душа народа. Будет ли это великое Имя в соборе, будет ли оно в музее, будет ли оно в книгохранилище, оно неизменно пребудет в глубинах души народной.

Опять, далеко за пределами церковного подвига, строительное и просветительное Имя Святого Сергия хранится в сердцах как драгоценнейший Ковчег Духа. Хранится оно, как прибежище народного сознания, в трудные минуты мировых перепутий. Не затемнится в существе своем Имя Святого Сергия, не затемнится во множестве других имен — сокровищах души народной, от древних и до многих современных. Тогда, когда нужно, народ опять обращается к выразителю своей сущности»...

И сибирский писатель Георгий Гребенщиков в лекциях своих, посвященных Преподобному Сергию, знаменательно связывает это великое имя с Сибирью, со славным строительством и неутомимостью.

Вот и страница из прекрасной книги Бориса Зайцева о Преподобном:

«Св. Сергий родился более шестисот лет назад, умер более пятисот. Его спокойная, чистая и святая

жизнь наполнила собой почти столетие. Входя в него скромным мальчиком Варфоломеем, он ушел одной из величайших слав России.

Как святой, Сергей одинаково велик для всякого. Подвиг его всечеловечен. Но для русского в нем есть как раз и нас волнующее: глубокое созвучие народу, великая типичность — сочетание в одном рассеянных черт русских. Отсюда та особая любовь и поклонение ему в России, безмолвное возведение в народного святого, что навряд ли выпало другому.

Сергий жил во времена татарщины. Лично его она не тронула: укрыли леса радонежские. Но он к татарщине не пребыл равнодушен. Отшельник, он спокойно, как все делал в жизни, поднял крест свой за Россию и благословил Дмитрия Донского на ту битву, Куликовскую, которая для нас навсегда примет символический, таинственный оттенок. В поединке Руси с Ханом имя Сергия навсегда связано с делом созидания России.

Да, Сергей был не только созерцатель, но и деятель. *Правое* дело, вот как понимали его пять столетий. Все, кто бывали в Лавре, поклоняясь мощам Преподобного, всегда ощущали образ величайшего благообразия и простоты, правды, святости, покоящийся здесь. Жизнь “бесталанна” без героя. Героический дух средневековья, породивший столько святости, дал здесь блистательное свое проявление.

И естественно, что мерою отношения к Сергию мерили само общество, самый народ. Одних взволнует, умилиет, другим отвратен облик неземной,

идуший в жизнь и просветляющий ее. Им Сергий враг.

Он враг всем ненавистникам Христа, всем утверждающим *себя* и забывающим об Истине. Их очень много в наше время, когда “раздрание” мира зашло так далеко. Татары, может быть, не тронули бы Сергия, если бы добрались до Лавры; у них было уважение к чужой религии. Митрополит Петр получил от Узбека охранительную грамоту для духовенства. Наш век, в сознании полнейшей правоты, разгромил Лавру, надругался над мощами Сергия, ибо поверхность века нашего есть ненависть ко Христу, мешающему быть преступником и торгашом.

Но не во власти века затемнить образ Преподобного. Народ, в округе, создал уже легенду, что истинные его мощи ушли в землю — до поры до времени Святой опять уединился, как уходил от мира грубого при жизни.

Так это или нет, но, несомненно, облик Сергия — теперь и в ореоле мученичества — светит еще чище, еще обаятельнее. Ведь и Христос победил, быв распят...»

И еще страница:

«Итак, юноша Варфоломей, удалившись в леса на “Маковицу”, оказался создателем монастыря, затем монастырей, затем вообще монашества в огромнейшей стране. Меньше всего думал об общественности, уходя в пустыню и рубя собственноручно “церквицу”: а оказался и учителем, и миротворцем, ободрителем князей и судьей совести!..

Участник и политики, и малых дел житейских, исцелитель, чудотворец... неутомимый труженик и духовидец, друг легкого небесного огня и радонежского медведя, Преподобный Сергей вышел, во влиянии своем на мир, из рамок исторического. Сделав свое дело в жизни, он остался обликом. Ушли князья, татары и монахи, самый монастырь его закрыт, осквернены мощи, а облик жив, и так же светит, учит и ведет.

Мы Сергия видели задумчивым мальчиком, тихо-послушным; юным отшельником, и игуменом, и знаменитым Сергием-старцем. Видели, как спокойно, неторопливо... восходил мальчик к святому. Видели в обыденности, за работой и на молитве, и на распутьях исторических, на рубежах двух эпох. Из тьмы времен, из отжившего языка летописей иногда доносились слова его, может быть, и неточные. Мы хотели бы услышать и его голос — это заказано, как не дано нам проникнуть в свет, легкость, огонь его духа.

Но из всего — и отрывочного, и случайного, неточного — чистотой, простотой... веет от Преподобного. Сергей — благоуханнейшее дитя Севера. Прохлада, выдержка и кроткое спокойствие, гармония негромких слов и святых дел создали единственный образ русского святителя. Сергей глубочайше русский, глубочайше православный. В нем есть смолистость севера России, чистый, крепкий и здоровый ее тип... Сергей как раз пример — любимейший самим народом — ясности, света прозрачного и ровного. Он, разумеется, заступник наш. Через пятьсот лет, всматриваясь в

его образ, чувствуешь: да, велика Россия! Да, святая сила ей дана. Да, рядом с силой, истиной мы можем жить.

В тяжелые времена крови, насилия, свирепости, предательств, подлости — неземной облик Сергея утешает и поддерживает. Не оставив по себе писаний, Сергей будто бы ничему не учит. Но он учит именно всем обликом своим — одним он утешение и освежение, другим немой укор. Безмолвно Сергей учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере».

Поистине, замечательные страницы русских писаний посвящены Радонежскому Заступнику Земли Русской.

Тойдя в Обитель Света, истинную родину свою, Преподобный не оставил заступничеством своим любимую им паству и Землю Русскую. Неоднократно являлся он кому-либо из братии. Видели его стоящим за всеобщим бдением на своем месте, видели благословляющим братию.

Осенью 1408 года к пределам Московским вновь стали приближаться татары. Игумен Никон, ученик Преподобного, усердно молился, чтобы Господь сохранил Обитель, при этом призывал имя великого Основателя ее. Ночью, после молитвы, присел, чтобы отдохнуть, и вот видит Святителей Петра и Алексия и с ними Преподобного Сергия, который сказал ему: «Господу было угодно, чтобы иноплеменики коснулись и сего места, ты же, чадо, не скорби и не смущайся; Обитель не запустеет, а процветет еще более». Придя в себя, Никон поспешил к дверям, но они оказались запертыми. Отворив их, он увидел Святых, идущих от его келлии. Тогда понял Никон, что это был не сон, но истинное видение.

Предсказание Преподобного Сергия исполнилось. Татары разорили Обитель и сожгли ее. Но предупрежденные иноки временно удалились из монастыря, а когда враги отступили от пределов Московских, Никон, с незримой помощью Преподобного Сергия, снова отстроил Обитель.

На протяжении столетий непрерывный поток людей со всех концов России, всех положений и состояний, стекался ко гробу Преподобного. Множество чудес и исцелений совершалось там, где в сердце нерушимо пребывала живая связь с великим Молитвенником и Печальником Земли Русской.

Одна из величайших святынь Троице-Сергиевой Обители, икона Явления Богоматери Сергию, сопутствовала русским войскам во всех походах и подвигах, принося им ободрение и надежду на помощь и заступничество Небесных Сил.

В 1552 году, отправляясь под Казань, царь Иван Васильевич посетил Обитель Св. Сергия, чтобы испросить его помощь. Под Казанью шатер царя был неотлучен от походной церкви во имя Преподобного Сергия, и к нему была обращена молитва царя перед взятием Казани. А из Обители Сергиевой, в час решительной битвы, прибыл, с крестом и образом Явления Богоматери Преподобному Сергию, инок Адриан Ангелов.

По взятии Казани царь повелел в Казани же и в Свяжске основать монастыри во имя Преподобного Сергия и, возвращаясь из похода, вновь посетил Троицкую Обитель, принося благодарность Заступнику Русской Земли.

Троицкий келарь Симон Азарьин в предисловии к своему Сказанию о новоявленных чудесах Св. Сергия писал: «Но свыше целебных даров от Бога благодать дана ему всю Российскую землю заступати от находящих врагов христианских... яко Богом данный помощник всему Государству. И всюду и везде царем и великим князем обретаешся

Помощник во бранех, яко же на Дону великому князю Дмитрею на безбожного царя Мамаю благословение дав и во время бою посланными своими крепко вооружив... Тако же под Казанью и под Свяжском градом, царю и великому князю Ивану на безбожных татар чудесы своими помощь дарова... и где ни быша во бранех цари, государи и великие князи, Преподобнаго Сергия имя во устех присно поминаху, и церковь полотняную во имя его на путех близ шатров своих поставляху... также и под Москвою в обозе против Крымскаго царя... И везде, во всяком пути, и во всяких напастех имя его призываху, и егда в любовь прихождаху, именем его утверждающеся»...

Но особенно много ободрения и чудес было явлено Преподобным Сергием в тяжкое время Смуты (1607–1613). Троицкая Обитель к этому времени, возвышаясь в духовном и общественном значении, преуспевала и в своем строительстве. В 1550 году был закончен большой пятиглавый Успенский собор и вокруг монастыря была сооружена массивная каменная стена с 12-ю башнями, превратившая монастырь в первоклассную крепость, прикрывавшую дорогу из Москвы в северные города. Богатства монастыря настолько возросли, что уже с XVI века казна монастырская могла ссужать значительные суммы на нужды государственные. И конечно, такая крепость, с хранившейся в ней богатой казной, представляла заманчивую добычу для «тушинцев», поляков и литовцев Смутного времени.

На эту духовную твердыню и сокровищницу Земли Русской и устремились хищники, и 23 сентября 1608 года воевода Тушинского царька Петр Сапега с войском из поляков и литовцев, а также с примкнувшими к ним многочисленными отрядами из тушинцев, подошел к стенам монастыря. Число врагов, по показаниям пленных, простиралось до 30-ти тысяч. Этой вражеской силе защитники Сергиевой Обители могли противопоставить самые незначительные силы. Царь Василий

Иванович прислал в монастырь небольшой отряд под начальством воевод Алексея Голохвастова и князя Долгорукого-Роши. Кроме того, монастырь вооружил всех своих слуг, служебников и крестьян, и даже братия взялась за оружие. Так что число защитников набралось до 2400 человек. Собралось под защиту монастыря также и все ближайшее население (между ними были старцы, женщины и дети), что сильно осложняло положение и затрудняло защиту. Враги заняли все дороги, ведущие к монастырю, своими заставами.

Со своей стороны, и осажденные энергично готовились к обороне. Воеводы, совместно с архимандритом и соборными старцами, привели всех защитников к крестному целованию у Раки Преподобного Сергия, с обещанием крепко и непоколебимо стоять против врагов. «И отголе, — пишет в своем Сказании знаменитый келарь Троицкой Лавры Авраамий Палицын, — бысть во граде братолюбие велие и вси со усердием без измены ратовахуся со враги».

Сказание об осаде монастыря повествует о многократных явлениях Преподобного Сергия архимандриту Иоасафу и пономарю Иринарху с предупреждениями об опасности и обещаниями помощи.

29 сентября воевода Петр Сапега и Александр Лисовский прислали в монастырь две грамоты воеводам и архимандриту Иоасафу с требованием сдачи и обещанием награды в случае покорности, и угрожая лютой смертью всем сопротивляющимся. Но слова польско-литовских военачальников

«пали как ветер на скалу Троицкую». Воеводы и архимандрит Иоасаф послали врагам суровый и решительный отказ. Жестокая борьба началась.

30 сентября враги повели на монастырь приступ со всех четырех сторон. Вражеская артиллерия осыпала монастырь ядрами. Но Преподобный хранил Обитель свою. Ядра упали в пустые места или в пруд и сравнительно мало вреда причиняли осажденным. После длительного и жестокого боя враг отступил с большими потерями. Враги решили перейти к правильной осаде крепости и, установив орудия, укрепив их рвами и окопами, начали обстрел монастыря из 63-х орудий.

Немало приступов было сделано врагами, и неизменно Преподобный в видениях предупреждал о каждой опасности. Так, накануне одного сильного приступа пономарь Иринарх видел, как Св. Сергей ходил по ограде и кропил ее святой водой. Защитники, предупрежденные таким чудесным образом, окрылялись духом и неизменно отбивали все нападения, нанося существенный урон неприятелю. Отчаявшись взять монастырь приступом, враг стал вести подкоп под монастырь. Осажденным стало известно о подкопе под стены монастырские. Каждую минуту им грозила страшная гибель.

В эти тяжкие дни Преподобный Сергей явился архимандриту Иоасафу. После усердной молитвы Иоасаф впал в дремоту, и вот видит он, что Преподобный, с воздетыми руками, слезно молится; окончив молитву, он обратился к Иоасафу и сказал ему: «Встань, брат, бдите и молитесь, да не увидите в напасть». Следовавшая за этим вылазка

дала первые сведения о подкопе. Вскоре после этого арх. Иоасаф вновь имел видение. Совершая у себя в келии правило, он задремал, и вот снова приходит к нему Преподобный и говорит: «Встань, не скорби, но в радости вознеси молитвы, ибо о всех вас молится Богу Пресвятая Богородица»...

Последовавшая за этим видением вылазка 9 ноября оказалась чрезвычайно удачной для защитников, было обнаружено устье подкопа. Два крестьянина подмонастырского села Клементьева, Никон Шипов и Слота, взорвали подкоп, геройски пожертвовав собою для спасения Обители. Так дозором Преподобного осажденным еще раз удалось избежать страшной гибели.

В эти грозные дни Преподобный Сергей являлся не только бывшим в святой Обители, но также и тушинским казакам, осаждавшим Лавру. Один казак из неприятельского войска пришел в монастырь и рассказал о явлениях Преподобного. Многие из них видели, как по монастырским стенам ходили два светозарных Старца, похожие по описанию на чудотворцев Сергия и Никона. Один из них кадил монастырь, другой кропил его святой водою. В одну ночь Преподобный явился во сне многим врагам и предрек им гибель. Некоторые казаки, устрешенные этими явлениями, оставили лагерь врагов и ушли домой.

Между тем наступила зима и заставила врагов прекратить частые нападения. Но обрушилась новая беда. От тесноты, грязи, дурной пищи и загрязненной воды в монастыре развилась цинга. Небольшие силы защитников уменьшались с каждым

днем, могущих носить оружие осталось не более тысячи. Но дивно хранима была Обитель Преподобного!

Все же, по мере поредения рядов защитников, уныние начало овладевать слабейшими и стали даже раздаваться голоса, что лучше сдаться врагу добровольно, ибо нельзя уже послать в Москву за помощью, которая бы подоспела к весне, к возобновлению военных действий.

И снова, по преданию, Преподобный, чтобы поддержать мужество и ободрить малодушных, явился пономарю Иринаруху и сказал ему:

«Скажи братии и всем ратным людям, зачем скорбеть о том, что невозможно послать весть в Москву? Сегодня, в третьем часу ночи, я послал от себя в Москву, в дом Пречистой Богородицы и ко всем Московским чудотворцам, трех моих учеников: Михея, Варфоломея и Наума. Враги видели посланных, спросите — почему они не схватили их?»

Иринарх рассказал об этом видении. Все стали расспрашивать стражу — не видел ли кто посланных из монастыря? Выяснилось, что неприятельская стража действительно видела трех старцев, и стала их преследовать, надеясь быстро настигнуть их, так как кони под старцами были очень плохи. Но преследовавшие обманулись, кони под старцами неслись как будто крылатые. Враги не смогли нагнать их.

В это время в Обители был один больной старец. Услыхав о чуде, он стал размышлять, на каких таких конях были посланные Сергием старцы, и действительно ли все это было? Тогда явился ему

Преподобный и сказал, что Он послал старцев на трех слепых лошадях, которые, вследствие недостатка корма, были выпущены за монастырскую ограду. После чего он исцелил старца от болезни и вместе с тем от неверия.

По преданию, в этот самый день в Москве видели едущего старца, за которым следовало двенадцать возов, наполненных печеным хлебом. Москва тогда тоже была осаждена врагами и терпела нужду в хлебе. Старец с возами и со спутниками направлялся к Богоявленскому монастырю, где тогда было Лаврское подворье. Видевшие это дивились и недоумевали:

«Кто этот старец и его спутники и как прошли они сквозь неприятельское войско?»

Старец же приветливо отвечал: «Все из дома Пресвятой и Живоначальной Троицы». Когда же его спросили, что происходит в Обители Преподобного Сергия, старец отвечал: «Не предаст Господь имени своего в поношение, только сами вы, братие, не смущайтесь и не предавайтесь отчаянию».

Между тем по Москве стал распространяться слух о прибывших из Обители Сергия. Сам царь Василий спрашивал, почему к нему не привели их? Множество народа стало стекаться к Богоявленскому монастырю, но там никто не видел прибывших. Когда же в этом монастыре оказалось вдруг большое изобилие хлеба, тогда поняли, что то было явление Преподобного Сергия.

Так в народном сознании преломлялась духовная помощь Преподобного.

А к весне 1609 года царь Василий мог послать в Троицкую Обитель небольшой отряд казаков под началом атамана Останкова, к которому келарь Авраамий присоединил 20 человек монастырских слуг из Богоявленского монастыря.

В мае возобновились военные действия под Троицким монастырем. Враги снова произвели на стены монастырские приступ, который был отбит с большим уроном. В июле приступы возобновились и снова были отбиты, несмотря на то, что в последнем нападении принимал участие пришедший с новыми силами пан Зборовский, похвалявшийся одним ударом взять «лукошко», как он называл Троицкую крепость... А в это время к монастырю, наконец, приближался избавитель, князь Скопин-Шуйский, шедший с сильным войском на освобождение Москвы от тушинцев.

Заступничество Преподобного Сергия спасло его Обитель от разорения. Разбитые несколько раз, после 16-месячной осады враги, в страхе перед наступавшим на них войском князя Скопина-Шуйского, отступили от стен Троицкой Лавры.

Доблестной защитой монастырской крепости не была исчерпана служба Троицкой Обители Земле Русской в тяжкие годы Смутного времени. Во время осады, когда и сама Москва была стеснена «тушинцами» и в ней начался сильный недостаток и дороговизна на съестные припасы, находившийся в Москве келарь Авраамий Палицын выпускал на рынок по дешевой цене из монастырских житниц сотни четвертей ржи, и тем заставлял хлеботорговцев понижать цену на хлеб. А в тяжелый

1611 год, когда наступил самый критический момент во внутренней истории Московского Государства, когда захватившие Москву поляки и их русские приспешники стали жестоко угнетать Русь и угрожать всему национальному быту, когда, в отчаянии за будущую судьбу своей родины, люди терялись среди ужасающих событий и не знали, откуда ждать помощи, тогда из стен Троицкой Обители раздался набатный звон по всей Руси. Доблестный Троицкий архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын рассылали из монастыря по всем городам пламенные грамоты с призывом к русским людям подняться на защиту веры и отечества и освободить от врагов Московское Государство.

Эти пламенные грамоты и те необычайные видения, всегда связанные с обликом Преподобного Сергия, начавшиеся проявляться повсеместно среди людей самого различного положения, вызвали в народе подъем религиозного чувства, величайшего напряжения, при котором чудо освобождения и очищения Московского Государства сделалось возможным. Так, один из главных героев освобождения Козьма Минин указывал, что источник его решимости поднять ополчение таился в чудесном троекратном ему видении Преподобного. В сонном видении явился ему великий Чудотворец и велел собирать казну для ратных людей и идти с ними очищать Государство Московское от разбойников. Пробудившись, Козьма в страхе стал размышлять о видении, но, полагая, что собрание войска не его дело, не знал, на что решиться. Спустя немного

времени, Преподобный вторично явился ему, но и после того Козьма пребывал в нерешительности. Тогда Преподобный в третий раз явился ему и сказал:

«Не говорил ли я тебе, чтобы ты собирал ратных людей! чтобы ты шел на освобождение Земли Русской от врагов! Не бойся того, что старшие не пойдут за тобою, младшие охотно исполняют это, и благое дело будет иметь добрый конец». Последнее видение повергло Козьму в такой трепет, что он даже занемог, но больше сомневаться уже не мог и ревностно принялся за указанное великое дело.

Так рассказывается знаменательный момент Русской Истории.

После окончательного очищения Московского Государства от врагов раннею весною 1613 года, новоизбранный царь Михаил Федорович, направляясь из Костромы в Москву, прибыл в Обитель Троицкую, где и остался неделю, укрепляясь молитвою у гроба Преподобного Сергия на подвиг великого царского служения.

Славная же Обитель Троицкая, столь много претерпевшая в Смутное время и сослужившая такую великую службу Русской Земле, стала быстро оправляться от причиненных ей потерь и разорений, как и прежде привлекая к себе несчетное множество богомольцев и посетителей. Цари Московские совершали богомольные походы к Троице. Восточные Патриархи, приезжавшие на Русь, также посещали знаменитую Обитель и поклонялись ее Святыне. Народ русский, от сильных мира сего до последнего нищего, на протяжении столетий

непрерывной вереницей шел на поклонение ко гробу Чудотворца Сергия, и чистые сердцем находили ответ на моления свои, и получали радость духовную и исцеление немощам своим.

Святыня Троицкой Обители — образ Явления Божией Матери Св. Сергию сопровождал русским войскам и в войнах с Польшей и Литвой при царе Алексее Михайловиче.

В 1656 году царь Алексей Михайлович прислал в монастырь Троицкий грамоту, в которой он приносил горячую благодарность «великому Отцу и Чудотворцу, Заступнику и крепкому Молитвеннику и скорому Помощнику Преподобному Сергию за успехи русского оружия в войне с Польшей за освобождение Малороссии».

В самом конце XVII века Сергиева Обитель еще раз спасла Россию от новой великой смуты, сохранив жизнь будущего преобразователя России — Петра Великого.

В сентябре 1682 года цари Иоанн и Петр и сестра их София, спасаясь от мятежного князя Хованского и его стрельцов, укрылись в Троицком монастыре. Тем временем были посланы воззвания во многие города к ратным людям с призывом идти под Москву на защиту царской семьи. В Троицком монастыре собрались тысячи верных воинов. Князь Хованский был схвачен и казнен, после чего мятежники изъявили покорность.

Через семь лет, в ночь на 8 августа 1689 г., царь Петр Алексеевич, спасаясь на этот раз от злоумышления на его жизнь со стороны царевны Софии и стрельцов, прискакал из подмосковного села

Преображенского в Троицкую Обитель искать помощи и защиты. Два месяца пробыл царь Петр в стенах Троицкой Обители. Снова собрались войска, верные царю, и мятежники снова должны были покориться, и порядок государственный был восстановлен.

Троицкая Обитель, постоянно являвшаяся оплотом против врагов государства, также нередко предоставляла свою казну в распоряжение государей. Так, наибольшие суммы были отпущены Троицкой казной во время царствования Петра на корабельное строение, на ратных людей и другие государственные нужды.

«Церковное богатство — нищих богатство» — говорилось в старину, и богатствами Троицкой Обители в течение многих веков пользовались, как мы видим, русские люди — от царя до последнего нищего...

Великое почитание Святыни Троицкой продолжалось и при следующих императорах и императрицах, все они приходили на поклонение ко гробу Св.Сергия. Так, в 1877 году император Александр II, решив поднять оружие за освобождение балканских славян, посетил Лавру Преподобного Сергия, чтобы испросить у великого Заступника и Покровителя Земли Русской благословение на предпринимаемый им подвиг. Из рук митрополита принял икону Явления Божьей Матери Преподобному для препровождения ее в действующую армию.

В 1892 году Троице-Сергиева Лавра торжественно праздновала 500-летие со дня смерти своего великого Основателя, а через 25 лет вновь пришли

для всей Русской Земли тяжкие времена скорби и гонения. Богоборческий развал, повергнувший Россию, разрушительно коснулся и святой Троицкой Обители.

Она закрыта, и кощунственные руки посягнули на ее заветную Святыню. Святые мощи Преподобного Сергия в 1919 году, распоряжением властей, переданы в музей.

Сергий Духотворец! Сергей — Живая Связь с Миром Высшим!

Если Пламенный Облик его общечеловечен, то дело, сложенное им, есть дело строения Государства Русского. На всех поворотных пунктах истории России, при всех потрясениях, обрушивавшихся на Землю Русскую, неизреченная мощь Преподобного и твердыня духовной культуры, им заложенная, стоят нерушимым оплотом сил духовных.

Мы видели, как на протяжении столетий мощь Преподобного неотступно питала и хранила любимую им Землю Русскую.

Но история повторяется, и кто может сказать, что наступившие с началом XX столетия годы развала, гонения и кошунственного разрушения Святых снова не сменятся великим, еще небывалым духовным подъемом, который в стихийности своей превысит все до него бывшие подвиги?

«Одним из отличительных признаков великого народа, — говорит Ключевский, — служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно, прямую историческую дорогу».

Через многие тяжкие испытания прошла Земля Русская, но все они лишь послужили к ее очищению и возвеличению — *так было, так будет*. Сильна Россия мощью Светоносного Вождя и Хранителя своего! Кто может сказать, что Мощь его, неотступно стоящая на дозоре, не ждет срока, записанного в Скрижалях Небесных?

Уже неизреченные касания Его достигают многие сердца, и трепещут они в радостном предчувствии Новой Зари. Вновь, как в грозное время очищения Московского Государства от разбойников, повсюду встают видения Преподобного. Разнообразны они: вот Он в Вихре Огненном; вот Один в сиянии серебряном, с поднятой чашей; вот в сопровождении двух сподвижников, низко опущены схимы на лики их; вот стан, во мгле серебристой, не видать конца-края его, и стяг Преподобного реет высоко над ним; вот благовесть несется незримая, толпы народа спешат, праздничны одежды; вот слышен призыв Его пламенный, звучит в нем радость победы великой, радость грядущему мощному Строительству!

Пробьет час, Свыше предуказанный, и народ Земли Русской в порыве любви пламенной к родине своей, в подвиге духа, подыметя под стягом Преподобного против безбожных за Святыню отечества, за достоинство свое, за благо народов!

**Отче Сергие, Дивный, с Тобою идем, с Тобою
ПОБЕДИМ!**

Жизнь бесталанна без героя» — так гласит устами народа древняя мудрость. Так утверждает закон эволюции. В дни разрушений, в дни неслыханных озлоблений и всякого надругания и кощунства, когда высшей культуре духа, а следовательно и эволюции всего человечества, грозит гибель, не должно ли понятие это зажечь сознание и сердца не только лучших умов человечества, но захватить все лучшие силы народов?

Уже во многих странах встают облики вождей и героев, ибо душа народов тоскует о Вожде Светлого Будущего. Но темные в ярости саморазрушения продолжают восставать, кощунствовать и скрежещать против всякого понятия героя и вождя.

Свет и тьма! Резко обозначилась грань между Светом и тьмою!

Неприемлем вождь и герой для темного сознания, ибо вождь идет за Светом Высшим, за Светом, влекущим в Будущее.

Истинный вождь есть воплощение Указа Высшего. В таком вожде, как в фокусе, сходятся Веления Света и чаяния народа. Такой вождь идет осененный знанием высшим, и милосердие и строительство — доспехи его.

Таким Вождем был Преподобный Сергей; вдохнув героический дух в народ, Он устремил его в

будущее. Таким Вождем остается Он и сейчас, ибо нерасторжима связь Великих Духов с делом и подвигом их жизни.

Осиянный Светом Несказуемым, стоит Он, невидимо Видимый, на ступенях великой Лестницы Иерархии Света, готовый в указанный час устремить легионы Светлых Сил, готовый благословить народ свой и Вождя его земного на новый подвиг.

Свет и тьма! Свирепствует преуказанная битва! Грозен Армагеддон! Но час решительный наступает, и Свет побеждает тьму!

Научно-популярное издание

Елена Рерих

**Знамя Преподобного Сергия
Радонежского**

Редактор Е.А.Тарасенко
Корректор Е. А. Вершинина
Верстка: В.С.Лайков

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.09.2012.

Формат 84×108¹/32. Бумага офсетная.

Гарнитура «Newton». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 6,72. Тираж 1000 экз. Заказ 3043.

Международная организация «ЗВЕЗДЫ ГОР»

<http://www.paxpercultura.org>

E-mail: msmozg@gmail.com

ООО «СангитаСтрой»

Издательская лицензия ЛИ № 02330/1014 от 31.01.2012 г.

220037, РБ, Минск, пер. Козлова 7-б, оф. 12

Тел. +375-29-660-26-65, E-mail: lotatsv@tut.by

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.

Пр. Независимости, 79, 220013, Минск.

ISBN 978-985-7041-02-2

9 789857 041022

